АНТОЛОГИЯ
МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
МОСКВА
2023

УДК 82.194
ББК 94.3
А 72

Составители:
Валерий Галечьян, Людмила Осокина

А 72 **Антология мистической поэзии.** Стихи членов Московского союза литераторов./ Сост. В. Галечьян, Л. Осокина. – М.: МСЛ., 2023. – 138 с.

Антология дает представление о спектре воззрений на мистику поэтов – членов Московского союза литераторов, об основных мотивах и образной структуре их произведений. 39 авторов, 39 взглядов на неочевидное, сверхъестественное, сокрытое за фасадом бытия. Повторяющиеся, освященные вековой традицией мотивы (Бог, Богиня-Мать, ангелы, звезды, зеркала, смерть, кладбище, посмертие, призраки, духи, оборотни) получают оригинальные трактовки, позволяют снять своего рода «кардиограмму» мистических настроений наших современников. Мистическая поэзия в настоящем сборнике представлена во всем многообразии ее видов. Это регулярный и свободный стих в различных формах, тексты к музыкальным композициям, визуальная поэзия. Книга будет интересна как исследователям-литературоведам, студентам и аспирантам, так и «непрофессиональным» читателям, задающимся вопросом: существует ли мистика в наше время?

В оформлении использованы изображения, сгенерированные нейросетью Kandinsky 2.1

ISBN 978 56048726-7-3

© Авторы, *тексты, изображения*
© Валерий Галечьян, Людмила Осокина, *составление*
© Валерий Галечьян, *предисловие*
© Валерия Исмиева, *вступительная статья*
© Татьяна Виноградова, *послесловие, оформление*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Антология мистической поэзия» не первое фундаментальное издание, подготовленное за последние годы в Московском союзе литераторов.

В 2019 году вышла антология «Современный русский свободный стих». Составление и редакционно-издательскую подготовку книги осуществили члены секции поэзии Московского союза литераторов (МСЛ) Анна и Юрий Орлицкие. Среди авторов антологии постоянные участники фестивалей верлибра из нашего Союза: Светлана Богданова, Татьяна Виноградова, Людмила Вязмитинова, Борис Колымагин, Наталия Кузьмина, Татьяна Михайловская, Анна Орлицкая, Юрий Орлицкий, Наталия Осипова, Владимир Пряхин, Андрей Цуканов и пишущий эти строки.

В значительно меньшей по объему «Антологии интегрального стиха», появившейся в 2022 году, вся работа по составлению, оформлению и редакционно-издательской подготовке которой была осуществлена нашим автором Александром Бубновым, представлены уже 13 членов МСЛ: Николай Архангельский, Александр Бубнов, Людмила Вязмитинова, Дмитрий Гвоздецкий, Ингрид Кирштайн, Борис Колымагин, Николай Милешкин, Татьяна Михайловская, Мария Попова, Владимир Пряхин, Андрей Цуканов, Иван Чудасов, Ирина Чуднова и, опять-таки, автор этих строк.

Наши авторы принимают участие и в других, близких им по направлению творчества, антологиях и изданиях. В Московском союзе литераторов ежегодно издаются сборники произведений членов секции поэзии и других секций.

За долгие годы существования Московского союза литераторов в нем сложился коллектив талантливых и профессиональных авторов, которые разрабатывают новые направления поэзии и вносят большой вклад в уже существующие. Одним из них является мистическая поэзия, имеющая богатую историю и актуальная в наше время перемен.

В Большом энциклопедическом словаре констатируется, что мистика – это «религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе непосредств. «единения» с Богом, а также совокупность теологич. и филос. доктрин, оправдывающих, осмысляющих и регулирующих эту практику» (Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: «Норинт», 2002. с. 738).

В Википедии Мистика (от др.-греч. μυστικός «мистерийный, таинственный», от μυέω — «посвящать в мистерии, таинства») определяется как вера в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом якобы связан и способен общаться человек; также под мистикой понимается сакральная религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом (или богами, духами, другими нематериальными сущностями).

Всеми религиями так или иначе подтверждается вера в человеческое бессмертие. Даже в буддизме, где целью является прекращение существования, на ее достижение отводится немалое количество жизней, и уже продвинутые на этом пути адепты после многих рождений должны появиться в человеческом облике еще не менее семи раз. Эти представления и само возникновение и становление религий связаны с человеческой надеждой на продолжение бытия и после наступления телесной смерти. Эта некая другая жизнь не может быть определена категориями физического существования, и, как правило, не имеет установленных сроков.

Не только послесмертное пребывание, но и саму его возможность нельзя подтвердить никаким объективным способом, однако на протяжении всей жизни человеческий разум пытается ответить на вопрос: «Что же находится там, за пределами человеческого бытия?» Все эти, посещающие не только верующих людей, представления, несомненно, относятся к сфере мистического и должны включаться в это понятие.

Во многом, все сказанное учтено в статье «Мистика» в Философском энциклопедическом словаре под ре-

дакцией А.А. Ивина, где данное понятие характеризуется, как:

«...1) в широком, обобщенном смысле – загадочное и непонятное, «выходящее за рамки индивидуальной способности и понимания» (Ф.В.Й. Шеллинг); 2) в духовном смысле – ощущение и понимание мира как таинства, «живое прикосновение к тайне» (Н.А. Бердяев), непосредственное созерцание таинственного, вырастающее из опыта переживания человеком своего единения с бесконечным бытием (Абсолютом, Богом, Единым, Универсумом, «космической тотальностью» и т.п.). Диапазон родовых признаков М. предельно широк: от понимания ее как «всеобъемлющего чувства жизни», проявления «жизненного порыва» (А. Бергсон), «бытийственной основы религии» (Бердяев) до признания ее в качестве «единственно глубокого и совершенного мировоззрения» (А. Швейцер). К видовым признакам М. относят, прежде всего, непосредственность и целостность мистического восприятия и неизреченность мистического опыта.

Главным критерием М. является непосредственный опыт единения человека с бесконечным бытием – unio mystica... Несмотря на различие способов единения, его суть – в преодолении разрыва между конечным и бесконечным, временным и вечным, земным и небесным. Отсюда, согласно Швейцеру, М. имеет место тогда, когда кто-либо считает предопределенным разрыв между земным и неземным, временным и вечным и, все еще пребывая в земном и временном, «переживает свое вхождение в неземное и вечное»...

Попытки этического оправдания М. предпринимались такими мыслителями, как В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой, Бергсон и др.

В систематической форме проблема М. была рассмотрена Швейцером, показавшим, что

«этическая М.» может вырасти только на почве «духовной преданности таинственной бесконечной воле к жизни». В этой связи Швейцер переосмысливает сам факт единения с бесконечным бытием, понимая его не как «возвышение в Абсолютном» или растворение конечного в бесконечном, но как единение со всем живым». (Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. *http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm*.

Принимая данное расширенное определение за основу, следует отметить, что, по нашему мнению, даже оно не в полной мере описывает спонтанно возникающее у человека особое представление, которое называется виде́нием. При этом само виде́ние не обязательно является мистическим. Так, в мозгу каждого человека постоянно, с различной частотой, возникают всевозможные представления и даже картины. Из них мистическими являются лишь те, которые не могут быть объяснены логической или сугубо интуитивной формой мышления.

Кроме того, когда многие мифы развенчаны, а большинству таинственных явлений найдено рациональное объяснение, само понятие мистики требует некоего переосмысления.

Примером мистического события может быть реальный случай, который был предвиден тобой ранее без всяких, казалось бы, на то оснований, и произошел именно в соответствии со спонтанным озарением. Или же, наоборот, нечто случилось в прошлом, ты об этом случае ничего не ведал, но вдруг узнал – непонятно откуда, по наитию, непостижимым образом, а потом оказалось, что событие это действительно произошло, причем именно так, как тебе увиделось. Еще один часто встречающийся пример — это какое-то незнакомое место, о котором у тебя было ни на чем не основанное виде́ние, и вдруг ты в нем оказываешься наяву, и все тут тебе странно знакомо, вплоть до мельчайших де-

талей (в антологии представлен подобный сюжет в стихотворении Изабеллы Вербовой «Будва»). Или ты вдруг видишь во сне совершенно незнакомого человека, а потом встречаешься с ним. И он точно такой же, каким предстал в твоем сне.

Эти и подобные виде́ния после того, как все произойдет в действительности, мы зачастую называем озарением. С его помощью можно проникнуть не только в суть событий или явлений, но также в суть вещей и предметов, доселе тебе не понятных. Это же слово мы зачастую используем для объяснения некоего импульса, подвигшего нас на создание художественного произведения, в том числе, стихотворения. Каждый из пишущих испытывал подобное. Но действительно мистическим озарение бывает лишь в том случае, когда нечто, снизошедшее на тебя, чему не можешь дать никакого разумного объяснения, раскрывает доселе непостижимое.

Таким образом, мистика в настоящем проекте понимается как результат некоего, непостижимого по своей сути, воздействия на мозг, в результате которого человек для себя открывает нечто, ранее ему неведомое. Примеры подобного воздействия, которое каждый поэт испытал в своей жизни, претворенные в стихотворения, и составят корпус текстов сборника.

Идея книги обсуждалась с поэтами МСЛ.

Так, например, Татьяна Виноградова предложила понимание мистической поэзии как поэзии странного и необычного. Вот ее концепция:

> «У каждого из нас есть стихи, в которых отражаются и мерцают необычные грани реальности. Это могут быть пришедшие вдруг образы-озарения или погружение в пространство сновидений, или внезапно увиденная под неожиданным углом реальность – даже пейзаж за окном способен превратиться в terra incognita, даже привычный интерьер квартиры, не говоря уже о поэтических путешествиях в иные края и времена. Если вдуматься, то именно в выявлении,

«природнении» и транслировании вовне этой «странности» и заключается сама сущность поэзии. Еще Александр Блок писал:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран –
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!»

Главное, что мистика, расширяя границы («двери») восприятия, позволяет выходить за пределы обыденности, а «мистик – это тот, кто видит истину лицом к лицу. Его ничто не отделяет от реальности...» (Андре Конт-Спонвиль. Философский словарь /Пер. с фр. Е. В. Головиной. – М.: Этерна, 2012. С. 315). Но это именно то, чего мы ждем от истинного поэта, и что мы стремимся видеть в поэзии.

Мистическая поэзия в настоящем сборнике представлена во всем многообразии ее видов. Это регулярный и свободный стих в различных формах. Тут и песня «Всадники Апокалипсиса», текст и музыка которой сочинены Алексеем Караковским, и стихи Александра Гутова, Александры Ластоверовой и других авторов этого направления, и визуальная поэзия.

Наверное, было бы правильно сказать, что ни один из авторов антологии не может быть назван исключительно мистическим поэтом, но все же некоторые глубже погружены в это направление и выделяются на общем фоне.

В поэтическом творчестве Татьяны Виноградовой могут быть выделены следующие основные направления:

- космогония
- психологическая поэзия
- лирическая поэзия
- ландшафтная (пейзажная) поэзия
- посвящения
- перевод и самоперевод.

Но вершин Т. Виноградова достигает лишь на пределе нервного напряжения (соседствующего со срывом или превращающегося в него), которое возникает в момент перехода от жизни к смерти – или уже за

этой гранью. Путешествия между мирами живых и мертвых для нее – почти рядовая, регулярно возникающая процедура, но болезненная и отнимающая все силы. Казалось бы, долги выплачены, и в наличии все условия для освобождения от мирских забот, но уже почти родной мир мертвых не отпускает, да и сама поэтесса не готова расставаться с дорогими сердцу его обитателями. Так она и существует в «мертво-живой среде», отсчет в которой ведется с рождения, но события не упорядочиваются шкалой, а существуют одновременно, то выдвигаясь, то уходя в тень, но не пропадая окончательно. Понятно, что в выбранной парадигме у постоянных персонажей нет будущего, но и на собственное будущее поэтесса не строит планов. Рябь настоящего вдруг набегает на поверхность океана прошлого – и гаснет. Происходящее меркнет перед яркостью и глубиной переживаний неуходящего прошлого, выбивает из жизненной колеи, парализует расползающееся сознание. Так среди многих посвящений и обращений лучшие относятся к уже ушедшим, в том числе и в приведенном в антологии стихотворении «В темной пустой квартире...» (с.33).

Мистичность присутствует во всех выделенных направлениях творчества Т. Виноградовой. Однако она настаивала на том, чтобы ее не привязывали к «предпослесмертной парадигме», и потому здесь представлены еще и другие ее стихи.

Каждый, воспринимающий мир мистически, проходит свой особенный путь к его выражению в поэзии. Вот как его описывает Валерия Исмиева: «Я родилась мистиком в семье потомственных атеистов, то здесь, то там прорастающая повседневные шумы память о других мирах была для меня естественна; в этом дышалось нелегко, но выносимо – насколько же выносимо носить на себе тонны воздуха, которым дышишь, и разговаривать на чужом языке в надежде на понимание. Привычка тут ничего не решает, поскольку привыкнуть к горизонтальным представлениям мира, зная, что человек – существо вертикальное, сшиваю-

щее дудочкой позвоночника вселенные – невозможно. Но можно относиться к играм видимостей с юмором и даже с благодарностью – вопрос в ракурсе восприятия. И регулярный чод становится обретением силы, если ведешь разговор с Мачиг Лабдронг, Джелаладдином Руми, Якопо Робусти, слушаешь шорох ветра вместе с Темным мистагогом Эфеса и создателями Гентского Алтаря, обмениваешься пристальными взглядами с горой Суньшань и со старой искалеченной яблоней; в каждом встреченном живом приветствовать упавшую в мир тяжести звезду, а не тело с социальным отпечатком – как дышать. Писать стихи – значит рассказывать об этом; для меня все прочее – меньше, чем вертикаль, и тратить на то время – самопредательство. Так же, как в любви – дарить и переживать меньшее, чем мистерия смерти и преображения в новом рожденье».

Мистика тесно соприкасается с эзотерикой, которая повсеместно объясняется как совокупность знаний, сведений, недоступных непосвященным. Эзотеризм (от др.-греч. εσωτερικός – внутренний) – сфера специфических взглядов на глубинную мистическую суть эволюции мира, имеющих тайное содержание и используемых в психодуховной практике. Туда входят учения, доктрины, а также пути, методы и практики постижения психологической природы и сущности человека и цивилизации в целом с помощью особых способов восприятия реальности, обозначаемые общим термином «Сверхсознание». Мистика – это нечто загадочное, приходящее в человеческое сознание извне, а эзотерики пытаются постичь природу мира и происходящих событий в рамках индивидуального понимания, и зачастую, на основе опыта собственного познания, конструируя для этого особые языки. Если обычный человек принимает мистическое событие за некую, пусть и таинственную данность, то эзотерик пытается расшифровать и объяснить его.

Людмила Осокина убеждена, что овладела большинством тайн Сверхсознания. Для нее Сверхсознание – это инструмент познания, некий орган в организме,

находящийся за пределами физической реальности, позволяющий проникать в какие-то тайные сведения, тайные практики, которые, тем не менее, известны избранным, посвященным. Ее же увлекает нечто запредельное, неоткрытое, не использующееся в эзотерических практиках. И это уже «СверхПознание» — не инструмент, а путь проникновения в то, что неизвестно никому, во всяком случае, из людей, что еще никогда не было открыто, в тайны, известные только ей.

Она непрерывно и настойчиво совершенствуется на этом пути, стремясь за счет развития своего внутреннего мира глубже постигать тайны человеческого бытия.

Собственно, и весь изведанный мир помещается внутри Осокиной. Все окружающее, включая ее мозг и тело, – это некая единая энергетическая система. Людмила вбирает в себя энергии и пытается регулировать их, находя каждой соответствующее место. Перерабатывая поступающие импульсы, Осокина возвращает их для защиты окружающих. Энергии внешнего мира описываются ею через некую смесь образов. Тут тебе и насылающие порчи да напасти ведьмы с заклинательницами (в миру они, зачастую, милые и любезные дамы). Дома планет приобретают облик Кремля и вашингтонского Белого дома. Только СверхПознание, как считает Людмила, способно раскрыть тайны и загадки энергетических потоков в человеческом организме, направляющих жизнь и деятельность людей. Тернистый путь к овладению СверхПознанием и инструменты его применения она раскрывает в прозе. В поэзии преобладает чувство, а СверхПознание уступает мистике, но эзотерика не исчезает совсем.

Когда Осокина – **Люда**, то на Высшем плане, она из животных – Черная Кошка, когда она **Людмила** — то уже Черная Пантера. Людмила – это дочь Люды. Сама эта Люда находится в голове, в середине лба. Там, где шестая чакра — Аджна. И этот третий глаз рассматривает мир и снаружи, и изнутри, а черная кошка самопроизвольно разгуливает, без всяких преград, как мы видим в мистических стихах (с.74-75).

Первым, полностью отвечающим любым толкованиям мистического, сочинением автора этого предисловия следует признать созданную в 1990 г. визуальную поэму «Толкование толкований» со стихографическими иллюстрациями к ней. Как и у Осокиной, здесь тоже можно отметить налет эзотерики, что не удивительно, если учесть, что вся поэма представляет собой некую интерпретацию великого религиозного источника – Бхагавад-гиты. Уже из заглавий альбомов словопостроений («слопов», как называет эти свои графико-поэтические произведения автор): «Живая материя» (1991 г.), под которой понималась психика; «Постижение пустоты» (1993 г.); «Аллегорическое толкование» (1994 г.); «Огненное дыхание Вселенной» (1995–1996 гг.) и «Душа символа» (1996–1997 гг.) можно понять, что мистике в них было отведено немалое место. Особо можно выделить альбом словопостроений 1996 г. «О небесах, о мире духов и Боге», в котором интерпретируется знаменитый труд шведского мистика Эммануила Сведенборга. Возвращение к восточному мистицизму произошло в альбомах слопов «Скрижали сочленений» и «Прозревающая мандала» (1998–1999 гг.), поэме «Йога-сутра патанджали-вьяса». Если учесть, что всего было создано более 30 альбомов, то среди словопостроений можно найти еще много примеров мистической поэзии. Не обойдена вниманием и древнеегипетская магия. В визуальной поэме 2001 г. «Постижение» раскрываются особенности «Совершенной проповеди» Трижды величайшего Гермеса. Не забыты индейские верования и сотворение финикийской вселенной. Уже в этом веке, как уже в названных, так и в других формах визуально-поэтического творчества автора изображены многие сакральные памятники Древнего Китая, других стран Азии, а также Египта, Мексики и даже Австралии. Одним только египетским пирамидам посвящено более 150 стихов.

Взгляды немногочисленных представителей этого направления прошлого века отражены в большой поэме «мистики XX». В Антологии представ-

лены слопы из альбома «Мистика» (2002 г.) В том же году альбом экспонировался в санкт-петербургском Манеже. Ряд работ из него демонстрировался автором в докладе на III международном теософском конгрессе и экспонировался на том же и следующем конгрессах в 2019 и 2020 годах. Альбом вошел в мистическую по содержанию книгу «Обряды перехода» (Галечьян В.А. Обряды перехода. Поэмы и стихи. М.: Русская школа, 2019). В более традиционной форме поэзия автора присутствует в его мистических романах. Хотелось бы привести один из подобных текстов:

Я
кто (что)
всегда
везде есть
сказал:
существует начало
и это есть
космическая жизненная энергия
существует
то что еще
не начало быть
началом
и это есть
несовершенный разум богов
существует
то что еще
не начало быть тем
что еще
не начало быть началом
и это есть неразвитый разум людей*.

Стихи авторов Антологии вошли в «Календарь поэтов» на 2024 год, а их воспоминания о мистических происшествиях – в сборник историй, издаваемый Московским союзом литераторов.

Валерий Галечьян,
председатель Московского союза литераторов

* Галечьян В.А., Ольшанецкий В.А. Четвертый Рим. М.: «Космополис», 1994. С.17.

ПОЭЗИЯ В ПОИСКАХ ЗАПРЕДЕЛЬНОГО ОПЫТА
Несколько слов о мистической поэзии

Надежда! Позолоченный обман!
Отрада нашего существованья,
неясный сон в зеленом одеянье,
неистовых мечтаний ураган!
Хуана Инес де ла Крус

Прежде чем пуститься в рассужденья о мистической поэзии, хочу отметить, что тема эта необъятна. Не претендуя на полноту охвата, стоит предуведомить читателей, что автор подобных опусов volens nolens* транслирует в них свое субъективное понимание вопроса, и лишь эта оговорка позволяет ему (ей) проявить самонадеянность и взять на себя задачу, заведомо неподъемную.

У понятия «мистическая поэзия» длинная предыстория. И прежде всего потому, что долгое время оно неразрывно было сцеплено с религиозным и – шире – мистическим опытом. Если учесть, что рифмованная и силлаботоническая поэзия – изобретение сравнительно недавнее и локальное (в масштабах человечества), окажется, что первые сохранившиеся тексты можно с полным правом читать как произведения поэтические – в числе их выразительных средств частично/полностью ритмизованные, порой весьма изощренно, тексты или их фрагменты, щедрые на метафоры, анафоры, многообразие звукописи и т.д. И все эти тексты – религиозные. Пробегитесь глазами по гатам** Заратуштры («О Мазда, о Аша и Вохуман, я вознесу теперь гимны, что пока не слышал никто!») – как тут отделить обращение к Богу от претензии на прямое поэтическое творение? Таковы же и Книга притч Соломоновых, и книги Пророков в Библии, индийские Упанишады, Коран (не знающие арабского лишены возможности насладиться непереводимой изощренной поэтичностью

* волей-неволей *(лат.) – Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

** Га́ты (VI в. до н.э.) – 17 гимнов на яз., близком к древнеинд. Древнейшая часть Авесты. Содержат проповеди Зороастра.

и музыкальностью языка Книги). Не далеки от этой прекрасной традиции и гностические тексты.

Таким образом, на раннем этапе и вплоть до наших дней мистическая поэзия – это озвученный опыт трансцендирования, выхода сознания за пределы видимого, опыт визионерства, прозревания иных миров, высших и низших, ничуть не менее реальных, чем мир видимый и «профанный», переживание соединения последнего с миром незримым (все это не подлежит ни у самих ранних авторов, ни у современных им читателей никакому сомнению). Христианская гимнография, проза Блаженного Августина и Дионисия Ареопагита – дань той же традиции, среди религиозных мистиков эти и другие авторы были несравненными мастерами слова. Перечень можно продолжать, все более приближаясь к нашему времени.

Итак, при чтении упомянутых текстов мы, несомненно, имеем дело с мощной поэтической мистической традицией. Причем в ее русле создавались не только признанные каноническими тексты, но и, так сказать, тексты эзотерические и/или еретические, целью авторов которых было сообщение о поиске и обретении прямого контакта с Божественным началом и Высшей Силой – так родились, например, прекрасные стихи Джалаладдина Руми и Омара Хайяма в русле суфийской традиции, где у каждого текста минимум два слоя – профанный и символический. Сюда же можно отнести стихи приверженцев иных конфессий, как, например, знаменитой мексиканской поэтессы, католической монахини Хуаны де ла Крус (фрагмент одного из ее стихотворений вынесен в эпиграф к этой статье) и многих, многих других.

А можно ли причислить к мистической поэтической традиции философские тексты, скажем, досократиков? И снова ответ будет положительным, ведь в ранней традиции многие философы давали свои учения в стихах: загляните в крохотные фрагменты Гераклита или сохранившийся отрывок поэмы Парменида «О природе» («Те кобылицы, что носят меня, куда дух пожелает, /Были со мной и меня увлекали на путь мно-

говещий / Той Богини, что всюду ведет приобщенного к знанью»). В том же русле можно усмотреть и поэтичнейшего «Заратустру» Ф. Ницше (ниспровергающего обывательские трактовки Бога, играющего семантикой и звуком, иносказаниями, парадоксами и метафорами, без чего не дышит поэзия), и произведения некоторых других разновременных философов. Нельзя не упомянуть и «Божественную комедию» Данте, произведение сколь новаторское в технике стиха, столь же философичное, но также и визионерское, отзвуки которого вплоть до наших дней бесчисленны; в середине XX века Данте будет вдохновляться творец «Розы мира» Д. Андреев. Вот корни и ствол древа, от которого ведет свою родословную современная поэзия, – к примеру, Андрея Таврова и автора этих строк.

Но мы можем проследить также и другую ветвь в парадигме, казалось бы, того же поиска – это путь «малой традиции», народной, передающейся изустно. В нее входят не только ранние эпосы, но также и многочисленные предания, заговоры, обрядовые песни, строй которых весьма разнообразен, а язык порой не менее прекрасен, чем у «традиции большой». Отсутствие конкретного авторства не означает отсутствия красоты. Другое дело, что здесь мы находим многочисленные примеры и весьма прагматичного подхода, а мистика (устремленность к высшему началу, его прозреванию) часто уступает место магизму – описанию конкретных действий и словесных формул, направленных на достижение какого-либо результата в повседневной земной жизни. И в этих последних, записанных фольклористами текстах, речь идет о взаимодействии с Силой, но цель данного контакта зачастую предельно сужена, тут не до озарений о смысле бытия и не до приобщения к познанию Атмана.

Вот из этих-то двух линий, устремлений, часто пересекающихся и/или переплетающихся, сформировалось современное представление о мистической поэзии. На пути его эволюции можно найти занимательные прецеденты в виде, например, так называемой метафизической английской поэзии XVII века. Скажем, в сво-

ем длиннющем стихотворении «Экстаз» Джон Донн остроумно совмещает алхимическую магию с мистикой неоплатонизма, вуалируя запретную гомосексуальную любовь и, тем не менее, не наряжая ее в привычные одежды традиционной гетеросексуальности (стоит восхититься, как мастерски он избегает местоимения She, что игнорируют наши переводчики). Отзвуки алхимического магизма можно найти в «Сонетах» Шекспира. Перси Биши Шелли в поэме «Эпипсихидион», красиво переведенной Бальмонтом, сообщает о сплаве своих духовных прозрений мира высшего с любовью к двум женщинам, своей жене Мэри Шелли и прекрасной итальянке Эмилии Вивиани.

В Новое время вклад в мистическую поэзию вносили мало-помалу многие европейские поэты, в том числе и те, кто настойчиво воскрешал древнегреческую традицию разделения поэзии на две линии: воспевающую чувственную красоту жизни, повествующую об эмоциях лирических героев, и пророческую (кому, к примеру, не вспомнятся строки из соответствующих стихотворений Пушкина и Лермонтова). Яркую лепту внесли романтики, преимущественно немецкие, которыми так увлекались читатели России. Баллады о рыцарях-мертвецах, уносящих своих возлюбленных в могилы, вольно и музыкально переведенные Жуковским, «Коринфская невеста» и «Лесной царь» Гёте, «Лорелея» Гейне и т.д. – их персонажи и истории давно превратились в тропы и архетипы европейской культуры, образы эти переливаются в живописи Гюстава Моро и в музыке Шуберта, а дальше является «Кольцо нибелунга» Р. Вагнера, либретто к своей тетралогии он писал сам, причем его трудно и назвать-то либретто, перед нами развертки грандиозной поэтической драмы (хоть и не без привкуса сиропа), написанной белым стихом, и тексты эти пронизаны духом устремления к сверхчувственному. Опасное воздействие на германский дух творчества Вагнера – вот она, сила поэзии и искусства! – в полной мере удастся осознать лишь столетие спустя: идея гибели богов как радостного переселения в потусторонний мир, которым Вагнер, во-

преки первоначальному замыслу, завершил свой цикл, была навеяна Шопенгауэром, весьма причудливо воспринявшим идеи буддизма... Такова сила мистики – нельзя предвидеть отдаленных последствий увлечения этой стезей и ее туманными тропами.

В последующие десятилетия всего отважней за дело взялись символисты. Наследуя все тем же неоплатоникам, а также Якобу Бёме и, конечно же, Уильяму Блейку, сделавшему решительный шаг в сторону уравнивания сил добра и зла (что так укоренено в народной традиции магизма), Блейку, за которым мы вынуждены, ввиду необходимости ограничения формой ознакомительной статьи, оставить предшествующего ему идейно Мильтона с его «Потерянным Раем» и «Обретенным Раем», итак, наследуя Бёме и Блейку, символисты поведали миру о своей загипнотизированности мистическим образом Софии и Вечной Женственности, коим была пронизана еще поэма Гёте «Фауст». У Гёте воплощеньем Ewige Weiblichkeit* является спасающая своего возлюбленного от вечных мук преисподней жертвенная Гретхен, преступная, преданная и казненная за убийства. Идеи Вечной Женственности нашли отражение в философии и в стихах Владимира Соловьева, прозревавшего в лицах конкретных женщин лик «Жены, облеченной в солнце». Серебряный век всматривается сквозь ткань бытия, взыскуя знаков присутствия иной, трансцендирующей силы – одни обращают внимание на волшебное, мистическое в малом («Дьяволенок» З. Гиппиус и т.п.) и в том скорее играя метафорами, а порой даже и посмеиваясь, хотя не без внутреннего содрогания; другие, как Вячеслав Иванов или Николай Гумилев, – погружаясь в мистериальные переживания дионисийского и аполлонического начал (Иванов), бросаясь на поиск высших состояний («Слово») или мистических прозрений (неоконченная поэма «Дракон») (Гумилев). Следуя линии Соловьева, Блок и Белый ищут черты гностической Софии, в том числе Софии Ахамот («Падшей»), которая должна вспом-

* Вечной Женственности *(нем.)*

нить о том, что она – одна из высших плером*, и вслед за тем вновь подняться на небо и тем увлечь за собой и погрязшее в страданьях и невежестве человечество. Поэты ищут Софию в своих предчувствиях и в конкретных женщинах (о прозревании такой Софии, например, «Незнакомка» А. Блока), но Андрей Белый вовремя сходит с опасного пути, а Блок упрямо следует ему вплоть до своего страшного конца, равно как и гибели прекрасного образа в «толстоморденькой» Катьке из поэмы «Двенадцать». Апостолы новой веры и Второго пришествия Христа, революционные матросы и солдаты Блока являются из метельного вихря разгулявшихся стихий, а что эти вихри – продолженье ли «Бесов» Пушкина или преддверие «Мирóвого рассвета» Филонова – кто знает... Но сам Блок иного выхода, кроме убийства опороченного образа Софии, не придумал – так же, как персонажи «эротической поэмы» в прозе «Пламень» Пимена Карпова (зачаровавшей картинами фантастических сектантских радений-оргий петербургских интеллигентов в канун революции) лихо прикончили всех своих женщин... Странная картина в мистической литературе знаменовала окончанье исторической эпохи.

После октября 1917 года традиция мистиков в русской поэзии не умерла, но нырнула в подполье. В эмиграции традиция продолжила свои бытийствования, но как-то захирела; в России последний «надводный» субъект, следующий преимущественно вторым путем (наследующий народную традицию), Николай Клюев в «Поэме о Великой матери» языком народного сказа повествует о мистической любви своей юной матери к Иисусу; он создает в других поэмах и отдельных стихотворениях мир, населенный всевозможными духами природы – реки, леса, чащи, вплетая их в узорочье своих искусных метафор (сходным путем в прозе шел и Сергей Клычков). Трудно порой найти четкую

* Плерóма (др.-греч. πλήρωμα – «наполнение, полнота, множество») – термин в греч. философии, одно из центр. понятий в гностицизме, обозн. божественную полноту. В Новом Завете «вся полнота Божества телесно» обитает в Христе.

грань между мистикой и абсурдом у Д. Хармса или К. Вагинова, нельзя не восхититься эпическим строем пронизанных христианскими образами «Тетрадей Юрия Живаго» Пастернака, – облеченными во внешне сниженные образы, как это можно заметить и в черно-белых кадрах «Андрея Рублева» – чтобы читателю так же вдруг задохнуться, как зрителю фильма А. Тарковского перед цветными кадрами «Троицы», на гулком звучании христианских мистерий: «Ко мне на суд, как баржи каравана, / Столетья поплывут из темноты».

Но в целом, в советский период мистическая поэзия затаивается, чтобы позже блеснуть довольно ярко, хоть и локально, так сказать, для своего круга, в стихах нонконформистов, у Анри Волохонского, Виктории Андреевой, Евгения Головина и Владимира Ковенацкого и др. (массовый читатель откроет их позже, уже после перестройки). В то время как мистическая традиция в поэзии Западной Европы и Америки заметно поугасла, в СССР в последнюю четверть XX века произошел нешуточный всплеск интереса, особенно среди интеллигенции, к мистическим аспектам бытия. В стихах одних поэтов можно найти традиции духостяжателей Серебряного века, у других – подметить постмодернистский синтез разных стилей и традиций; абсурд, романтизм, экспрессионизм, сюрреализм и мистика составляют в текстах «южинцев» Головина и Ковенацкого притягательную смесь, при этом границу между привычным и невидимым каждый размывает по-своему: Головин изысканно играет на когнитивных диссонансах профанного восприятия («И стариковской злой дубинки/ уже предчувствуя размах, он [кот] рассыпается в снежинки/ и тает в сонных зеркалах»), Ковенацкий, находясь под влиянием мэтра мистического андеграунда Юрия Мамлеева, отдает дань, в целом, дружелюбному общежитию видимого и невидимого как чему-то привычному и будничному («Неуютно, тоскливо и гадко,/ В подворотнях стоят упыри...»). И не такое уж большое расстояние отделяет поэзию метаметафористов (1970-е–2010-е гг.), особенно Алек-

сея Парщикова и Аркадия Драгомощенко, от древней «большой» мистической традиции: ведь метаметафора передает всеобщую связь между порой космически далекими предметами и явлениями и тем напоминает о концепции Атмана в Чхандогья-упанишаде. Но, конечно же, ныне, в третьем десятилетье XXI века, никто не отважится ратовать за некую чистоту «мистической традиции» в чем бы то ни было, подобно тому, как на Западе уже несколько десятилетий вопрос «А вы духовный человек?» («Are you a spiritual man?») предполагает ответ не о конфессии, а о признании чего-то большего, чем здесь-бытие («Я верю в то, что нечто невидимое существует», «Я признаю существование духов», «Я полагаю, что моя душа бессмертна», «Я верю в русалок, домовых и в бога Кузю/ Макаронного Монстра/ Аллана Чумака и проч.» и т.д.). Соответственно, от поэзии теперь не ждут всеохватности и той мощи напряжения духовных сил, которая дает сознанию выход за пределы обусловленности. Достаточно сообщить о чем-то, что не вписывается в доказательную парадигму «реального» – для маркера «мистика» этого будет достаточно. Следует ли автор какой-либо духовной практике, создал ли свою собственную мифологию или отдает дань обычным суевериям – не столь уж важно: постмодернизм освободил нас от любых обязательств, равно как и от серьезности в отношении к содержанию стиха. В настоящее время мы можем наслаждаться цветущим разнообразием возможностей и верить (или не верить) в то, о чем сообщаем читателям. Что принесет этот вполне закономерный поворот – покажет время.

Стихи многих авторов, представленных в этом сборнике, отражают томление по запредельному, мечту о встрече с опытом нуминозного (говоря словами К.Г. Юнга), разлад с внешним миром и своей собственной экзистенцией, требующей перехода в состояние «неистового поиска себя» (слова Станислава Грофа), столь редко достижимое, не говоря уж о результате. Но поэзия и не обязана превращаться в инструкцию по достижению чего бы то ни было, она – тонкий сейсмограф имплицитных и/или неосознаваемых процессов. Об-

лечься тоска по запредельному может в абсолютную метафору, будь то встреча с ангелом, созерцание танца богов или ощущение соприсутствия демона, или в рассказ о переживании – эмоциональном ли, внешне бесстрастном ли – чувства сродства со стихиями, присущего анимизму, или осознание внутреннего опыта становления как космогонии, или приближения к тотальному крушению.

Для немалого числа авторов сборника мистика – это мгновения ментального прикосновения к тому, что знаменует связь с иным, высшим, миром – догадка, внезапный инсайт, или, напротив, старинный мотив неспешных кладбищенских размышлений. Отлично помогает передать несополагаемость контекстов повседневности и духовного просветления стилистика абсурда, повествование в духе Хармса о встрече с небожителем или таинственным событием. Часто мотиву этому сопутствует самоотстраненность/самоостраненность наблюдателя. Один из наиболее характерных тропов – «жизнь как сон». Концепция, присущая, заметим, не только модному ныне буддизму, но также мировоззрению гностиков и представителям досократической мысли.

Несомненно, перед нами интересный документ эпохи «междумирия» и крушения старых парадигм представлений о месте человека не столько в социуме, с его неубедительными и расшатавшимися связями, сколько в пугающей своей огромностью вселенной; всплеск переживания новой эпохи бездомности, с которым каждый поэт пытается разобраться, выстраивая своей речью – даже через акт отрицания – свой дом бытия.

Валерия Исмиева,
кандидат философских наук

ГНОЗИС: *исступление, вторжение ума*

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВ

Сны

Ища друзей в бездонности пространства,
Бездомные зажглися фонари.
Смотри, смотри!
Навстречу к ним спустившись, отрешенно
Повисли звезды на ветвях сосны...
А может, сны?

Судьба – задумчивая птица
Глядит печально сквозь ресницы...
Снится, снится...

Идет человек по улице
Устало идет, сутулится.
Скрипит, скрипит деревянной ногой
И гасит звезды одну за другой.

Осторожней! За печатью печалей
провалы подвалов. Осторожней!

Серые потрескавшиеся ступени,
Скрипы, тени.
В щелях застряли потерянные мгновения.
Воспоминания, запах тления,
Память вечно длящегося старения.
О, неужели здесь храм истории?!
Тории, арии, реи, Яи...
«Яи, Яи желтый цветок, Яи...»

Дин-дин поглядим
Дин-дин поглядим
Дин-дон украдем
Дин-дон уведем

Учусь бегу у времени,
Лечу, не зная преград,
Оборванные звенья
Звенят, звенят, звенят.
Сквозь серые забвенья
К пронзительному дню
Навстречу пробужденью
От сна к другому сну.

***

А в церкви имени Бога
Опять зажигают свечи,
И словно душа поэта,
Настежь распахнут вечер.

Огромные, как вороны,
Звезды на гребне крыши.
А я провожаю знакомых –
Выше, выше, выше...

«Ну что, пора расставаться.
Жду вас опять под небом».
Вечер, который вечен.
Город, в котором не был.

***

Ха-ха-ха-ха-ха!
Ну меня и рассмешил!
Снова стать собой?
Это вовсе не жилье,
Это домик для сверчка.

***

Бог страшен
Но распахнутся врата Его
И мы войдем, не ведая, как врази Его
С порванной смертной плевой
Отступать некуда, за спиной глаза Его
Плоть Его и кровь Его кагорною пеленой
Наши грехи собьются в древесную пыль
Наш кровоток застынет скорбной коростой
Мы остановимся где-то в Божьей яремной
Гремя костями своей трупной злости
Но Он как будто бы не заметит
Парада мертвых гниющих плевел
Пожалеет своих деревянных солдат
Доточит наши кривые поленца
Растолчет зерно, испечет хлеб, накормит воинов
И наступит утро

Кладбищенские истории

Кладбищенские ирисы – сиреневое кружево –
Прижились на его могиле в первый же год.
Она плакала, умывалась, красилась,
И мы ехали обнять землю.
И уйти в нее накрашенным лицом.
– Пойдем домой.
Не идет.
Так прошло лето.

Люблю кладбищенские холмики –
Можно сесть рядом и выдохнуть.
И простить.

И когда соберешься уходить,
Покажется вдруг, что кто-то окликнул.
Чего мне еще?

Заросли травы, кругом лица, даты.
Я все равно тебя найду.
Обещала, значит, сделаю – так меня учил папа.
Потому что нельзя, не попрощавшись.

***

Едет смерть по чьим-то жизням,
Кости все наперечет.
Едет старая марена
И ведет убитым счет.

Одного нашла под липой,
А другого под сосной.
Этот с ножевым глубоким,
Тот с простреленной судьбой.

Но не то ей, старой, нужно,
Дряхлой, ветхой как века.
Душит горе навью душу,
Гложет ржавая тоска.

Сына нежить потеряла,
Не до смертных ей сейчас.
Где ты, смерточка родимый?
Нет нигде. И свет погас.

Едет смерть по миру, горем
Убиваясь, лыбясь нам.
Выйду, постою у края
И костей коснусь губами,
Но тебя ей не отдам.

***

Явился ангел
он сказал
что тайный мой двойник оставил мир
я имя должен был спросить
забыл
меня на время словно сон сморил
я был перенесен в его жилище
под шорох сухожилых крыл

жилище
хранило дух новалиса и ницше
и липкий запах заварного кофе
зеленое стекло бутылочного штофа
на антикварном столике лежало ниц
и рядом клетка
но без певчих птиц
под ней расчеркнутый латиницею лист
и чувство тонкое
что здесь жил морфинист
А вдоль стены линейкою портреты
всего скорее президентов
этой
непостижимой для меня страны
изображенье времени в приметах
и было ясно
в этих кабинетах не были звучны
распевы с русской пьяною тоскою
а в общем
да и пили здесь другое
но я узнал
я распознал тот дух, что иногда
тревожил слепую душу и сознанье множил

и тусклым бликом необычный свет
ложился на мозаичный паркет

Так двух небесных тел неслышимый дуэт
в дуге магнитных эластичных нитей
имеет каждый свой паноптикум событий
они не знают друг о друге ничего
но каждый дополняет своего
навечно теневого антипода
наверно так устроена природа
что ангел имени простого моего
он есть и ангел мой единый личный
и ангел неразлучного
того
и в этом круге звездном симметричном
который пробегает белка-мир
для душ предуготовлен свой копир
от мыслимого всякого отличный
и в этом суть
и камень, и эфир

03.04.2020

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА

Будва

Надеясь, что скоро буду
Плыть в море под солнечным светом,
Приехала в город Будву
На праздники жаркого лета.
Но моросил мелкий дождик,
На улицах не было людно.
Я с грустью раскрыла зонтик,
Пошла знакомиться с Будвой.
Но мне показалось странным,
Что зная по-сербски три слова,
(По разным поездила странам,
Но не припомню такого),
Откуда, откуда я знала
Расположение улиц?
Я здесь никогда не бывала,
Но словно домой вернулась.

Вот тут, через метров двести
Должна быть церковь простая.
И точно. На нужном месте
Она предо мной вырастает.
То церковь Святой Марии.
Я даже название знала.
Увидела – дверь отворилась,
С трепетом в храм вошла я.
И пред святой иконой
Безмолвно я помолилась...
Из Храма я вышла с поклоном,
Благодаря за милость,
Что выпал мне шанс приехать
В чудесный город у моря,

А плавать пока не к спеху,
А солнце появится скоро.

Дождь прекратился резко.
По бирюзовой глади
Лучи заскользили резво,
Воду прозрачную гладя.

День этот был беспечальным.
Он словно в подарок мне дан.
И незнакомец случайный
С улыбкой сказал: «Добр дан!».

ТАТЬЯНА ВИНОГРАДОВА

Осеннее

Осенняя луна чуть дрожит
в черненом серебре неба.
В теплом воздухе ночи –
гарь от сожженных букв.
Река уносит пепел.
Бессонная, как ночь,
она говорит, говорит, говорит, –
но буквы сожжены,
и слова больше не из чего складывать.

Река интонирует, лепечет, бормочет,
ее почти можно понять,
осенняя луна уже готова
отдать ей навсегда свое отражение,
ива гладит ее своими ветвями,
туман укрывает ее милосердной завесой...

Но наступает рассвет.
Прилетает ветер, он воет, хрипит и свистит,
и река переходит на шепот,
и волны ее уже ничего не помнят,
и отражение луны, смутившись, исчезает.

Но вот и шепот стихает, и пепла уже не видно
в светлеющих и равнодушных водах.
Река впадает в озеро,
в беспамятство, в безмятежность...

– Здравствуй, новый день!
А ты
умеешь
говорить?

***

В темной пустой квартире
прозрачная мать
сидит на кровати перед выключенным телевизором
(на экране диктор шепчет мертвые новости)
и все еще думает, что ноги не ходят, не ходят,
что она совершенно не может встать,
никогда не сможет встать.

«Я хочу домой. Когда меня отсюда выпишут?
Мои мать с отцом умерли, умерли…» –
жалуется она пустоте.
Нет, не пустоте –
бессердечной далекой мне.

А я плачу, кричу беззвучно сквозь ночь:
– Мама, мама, ты же умерла!
Ты теперь на свободе!
Ну, лети наконец, лети!..

– Мама, смотри, ты же в раю:
вот все кошки твои, мурлычат,
вот Лемешев, улыбается,
вот Травиата к Альфреду бежит по траве –
лазоревой, бирюзовой, радужной, радостной!..

– Мама, лети! Лети!..

25.02.2015

***

искры бледного прозрачного огня
и служенье ветру
ветер прилетает с ледяных вершин
с тех которых нету

АЛЕКСЕЙ ВОРОНИН

В утробе

Есть особенные дни
Чем особенны они?
На огромной глубине
Тайно залегли оне.
Под давлением огромным
Старое вдруг стало новым,
Незнакомое – знакомым,
Дух томленьем странным скован
Мир томления, в котором
Женщин голоса звучат...
В нем как будто растворился.
Я как будто не родился,
Но уже зачат.

Космогоническое

Эдак,
Едешь по городу,
Глазеешь по сторонам и
Вдруг ощущение твердое:
Кто-то смотрит на мир
твоими глазами
«Космогония!» –
скажут романтики
и пацифисты...
«Шизофрения...» –
ставят диагноз
специалисты
Пусть говорят.
Я смотрю изо всех окон,

Мне интересно понять –
что
видит
Он?

***

Два цвета разной формы
Снились всю ночь
Как единственно верный ответ
На суету будней,
Бессмысленность нормы
И у каждого, и у каждой
Был свой двойной цвет

И мы застыли
В поле цветами
И только ветер порой
Еле слышно
Издалека набегает и
Мягко колышет
Нашими головами.

***

Мне было тяжело с душой своей в разладе,
Одна терзала мысль: «Прощенье или месть?»
Я по Москве брела, себе под ноги глядя,
И вздрогнула – в грязи лежал примерзший крест.

Чужие сапоги его давно топтали.
Кто бросил здесь его: святоша или бес?
Серебряный, как ночь, с отколотой эмалью,
С измученным Христом, сиял мне знак небес.

Сгущалась темнота, скрипел мороз угрюмо.
Чтоб крест поднять с земли, пришлось снег
растопить
Дыханием своим. Я ожидала чуда –
А вдруг он скажет, как мне дальше быть и жить?

В ладонях, как птенца, его я отогрела,
Почувствовав, что жив найденыш чудный мой,
Я бережно к губам его прижала тело
И приняла в себя его немую боль...

И стало хорошо. Я в мир открыла дверцу.
Увидела и ночь, и снег, и фонари.
В моей руке тепло пульсировало сердце
И тихий голос пел: «Спаси и сохрани!»

***

Мой Ангел-Хранитель меня бережет.
Раскинет лучистые крылья.
От страха, болезней и смерти спасет.
Утешит незримо, даст силы.

Ты рядом со мною, везде и всегда –
Присутствие я ощущаю.
Минует меня роковая беда.
Ведь, Свет, я тебя выбираю!

***

Светозарно Успенье…
Ночь без ведьм и чертей.
Отрешенно свеченье
Силуэтов церквей.

Безысходность в изломе
Поседевшей реки.
Колокольные звоны.
Куполов маяки.

Есть предчувствие смерти
В напряженной ночи…
Оборви свою песню…
Поклонись… помолчи…

АЛЕКСАНДР ГУТОВ

Странный корабль

Может быть, он проплывает мимо;
из закрытой рубки – кольца дыма,
в тишине – команды пантомима:
выверенных действий череда.

Поворот руля, концы швартовых,
Несколько теней, в поход готовых,
вот они, что из времен суровых
молча поднимаются сюда.

Пассажиры, их всего лишь трое.
Тот похож на свой же бюст героя.
Девяносто пятый – шаг из строя!
Смерть порой страшней себя самой.

Этот – в синем выцветшем берете,
прожил меньше двадцати на свете,
смерть в горах пораскидала сети.
Год призыва – семьдесят восьмой.

Тот молчит и хмурится сурово.
Он из охраненья боевого,
в шлеме образца сорокового,
в плащ-палатке, что в болотный цвет.

Он глядит в пространство, самый странный.
В небо смотрит тонкий шпиль трехгранный,
как пример работы филигранной.
По железу бродит лунный свет.

Он был взят сюда из перелеска,
что-то крикнул, хрипло, грубо, резко.

Жизнь – короче малого отрезка.
И навеки – никаких следов.

Восседая где-то в тайной рубке,
только капитан, привыкший к трубке,
знает курс туда, где люди хрупки,
и не отдыхает от трудов.

Ваал

Ни у кого не будет плащаницы;
в лесах темнеют черные ступни.
Зачем сюда слетаются синицы,
как молний желто-синие огни?

Какой уже народ узнает это:
не прикасайтесь к мощным проводам;
там смерть – на каждом метре ее мета -
идет по свежим вдавленным следам.

Кто сверху видит все? Какие боги?
Ваш каждый шаг расчислен и внесен
расчетом в цифровые каталоги
и от живых оградой обнесен.

Не прикасайтесь, все под напряженьем;
дорожный знак-«кирпич» кроваво-ал.
Дорога завершается суженьем.
А дальше – лес, жестокий, как Ваал.

ЛАРИСА ЗУБАКОВА

Звездопад

Судьба, оставь меня;
звезда, зайди...

Вот розовощёкие дети –
совсем крохотные звёздочки.

Эти –
туманные и слезящиеся –
почтенные старцы на закате дней своих.

А вон те,
интенсивно излучающие
световую
энергию, –
тридцатилетние мужчины,
уверенно восходящие
на вершину
своей карьеры.

Нервный прерывистый свет –
юноши, думающие о будущем.

Звёзды – судьбы.
Судьбы.

Звезда, зайди;
судьба, оставь меня.

Вот вижу:
звезда упала.
Мгновенье.
Небытиё*.
Забытьё.

И всё уложилось в мгновенье.

* Небытиё – здесь намеренно употреблена разговорная форма слова. *(Прим. авт.)*

Из цикла «Моему оппоненту»

1.*****
***
*

О юности магический кристалл!
Сквозь переливы радужных видений
проходят вереницей скорбной тени
тех дел, что ты в удел себе избрал.

2.*****
***
*

О юность! Только ты была права.
Презренье к злату, неустройство быта –
и это все в порыв единый слито.
И падает на плаху голова.

3.*****
***
*

О юности магический кристалл!
Все спуталось.
Расплата за награду
приходит в срок.
И ничего не надо
менять в судьбе, где все слова –
судьба.

4.*****
***
*

О юность! Только ты была права.
За клятву верности восторженным обетам
уплачено сполна. Страданья и обиды,
по крайней мере, превратят в дела
те помыслы.

Сон во сне

Я спал во сне
и в этом сне мне снилось:
я сплю во сне
и вижу сон во сне.
И был тот сон
дарован мне, как милость,
как откровение,
ниспосланное мне.

Во сне я шел куда-то
шаг за шагом,
блуждал впотьмах,
и возвращался вспять.
А был тот сон
проклятием иль благом,
я там, во сне
так и не смог понять.

Мне снился сон,
как суетно и куце,
и как-то бестолково,
на бегу
проходит жизнь,
и хочется проснуться,
но я никак
проснуться не могу.

Явь обернулась сном
и круг замкнулся.
Едва глаза закрою,
как опять
мне снится сон,

в котором я проснулся,
но в том, другом,
я продолжаю спать.

***

Когда душа мое оставит тело,
и ангелы завоют оголтело
над бренной, бедной сущностью моей,
и тьма вонзит в мои глаза иголки,
а небо разобьется на осколки,
на тысячи разрозненных частей,
то и тогда, метелью снежной, темной,
дождливым утром, полночью бессонной,
в любое время суток, в час любой,
пусть даже вечность встанет между нами,
дыханьем ветра, музыкой, стихами
я буду разговаривать с тобой.

ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА

Ганлин*

к А. Р.

Шри-Шива сказал:
«Если ты благосклонна ко мне, то тогда родись мужчиной,
Где-нибудь на земле, я же приму женское обличье…
Такое заветное желание есть у меня…»

Каливиласа-тантра

Среди шлемов гор, у преддверья рая
Великанов, где облачная стая
Лижет соль земли и елень удачи
Между пропастей краем мчащих скачет,

Я была его мальчиком, длинноволосым, лунным.
Целовал, что времени перебирал струны,
Говорил: «Я праща звезды». И тьма огня отвечала:
«Так испей меня до конца – к началу».

Как он пил, припав, и не мог напиться –
Помнят Тор и Крон, меч Полярной. Спицы
Змееносца стрехами ночь вздымали,
Где любились мы на цветочной шали,

Одевались утренней багряницей,
Нежностью взахлеб продолжая сниться
Перекатам рек с заалевшей пеной,
В корни скал агни оплетая вены.

Говорила ты, рассекая дали:
– Сколько б воли нам средь земных не дали,
Выше мы возьмем, чтоб пьянеть без меры! –
И смеялся я, твой бессмертник верный,

Распустив костры на кипящих гривах
Выше горных скул – киноварь в тетивах.
А взрывались мы в сна глухих чащобах –
Проявлялся мир, в нас исчезнуть чтобы,

* Ганлин – ритуальная тибетская флейта, обычно изготавливается из бедренной или большеберцовой кости человека. Используется в буддийском обряде отсечения привязанностей Чод.

Как по плесу – дробь табуна в тумане.
Красный серп любви, синий – расставаний –
Сталагмиты солнц в черноте ущелий –
В полове мокриц мы ганлином спели,

Брат!.. Сквозь мякоть дней продевая нитку
В черепа ночей – гул огня, молитву
Крови в схватке тел, беспредела жажду –
Через сто смертей слиться в луч, однажды

Б**хайрави***

экспромт

Наталье Хвостёнковой

Над узким межбровьем – лал темных кровей, на правой руке – гематит. Она собирает на пир королей – счищает плесень с орбит:

– Не в темени тьмяных – жизни исток, в кого ж вы – бычьи рога?.. Метнете ль кости на синий стол, как в лилу** влетает – урга?***

Всё в пене багровой пляшете вист на ксилофонах костей? – ...Трещит канва шелкопряда убийств в клювах горних гостей –

до чешуи и подкрылков лир, горючих недр половы...
О, жест баронессы звезды Альтаир: «Ваш выход, вепри и львы!»

...А дальше? Психеи штихель на раз смрад отправляет в снег, и выстрелит астры кротовья нора, как в первом Адамовом сне

* Бхайрави – «Ужасная» *(санскр.)* – в индуистской мифологии одно из имён Дурги, грозной ипостаси богини – супруги Шивы.
** Лила – в индуистской мифологии игра Бога, посредством которой он создает мир.
*** Урга – петля на конце шеста, которым монгольские скотоводы отлавливают животных.

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ

Всадники

Всадники апокалипсиса пасут коней.
Пока еще ничего не началось.
А солнце отражается в реке,
А над волною нависает старый мост.
Они лежат под тенью старой алычи,
Шутя считая кружевные облака.
У солнца в небе рассыпаются лучи,
Неспешно движется река.

А где-то смертельный ветер,
А где-то идет волна,
А где-то горит планета,
А где-то гремит война...

Кони так любят степь и эту сладкую траву,
Какой волшебный получился урожай.
Богомол встречает черную вдову,
И им найдется, что друг другу рассказать.
О тех героях, что по праву не спаслись –
Смотри, круги еще заметны на воде.
И только самый смелый глянет вниз,
Туда, где вход в запатентованный Эдем.

А где-то сигнал тревоги,
А где-то смертельный смрад,
А где-то бессильны боги,
А где-то горит асфальт...

Всадники апокалипсиса ложатся спать
Под черным куполом сияющих небес.
Уже практически заполнена тетрадь,
В которой есть всему начало и конец.

Их не встречали здесь ни раньше, ни потом –
Таков короткий их сценарный эпизод.
Восходит солнце над рекою и мостом,
И все сейчас произойдет.

Пожалуйста, не убивай меня

Пожалуйста, не убивай меня!
Вдруг это не игра – откуда знать?
Я так боюсь, что ты желаешь зла,
Я так боюсь, что не могу уснуть.

Молчит в ночи потрепанный плацкарт,
Лишь ложечка стучится о стакан.
Спасибо, мельхиоровый мой друг.
Я вздрагиваю, я предупрежден.

Как жаль, что жизнь мучительно хрупка.
Как жаль, что в этом риске смысла нет.
Один умрет – останется другой
Ждать свой черед на запасном пути.

Пожалуйста, не убивай меня:
Почувствуй мою дрожь в своих руках.
Вагон уехал слишком далеко –
Возможно, будет полный оборот.

***

Неведомо нам это постоянство,
И есть ли там покой и тишина?
А может быть, убогое пространство,
Могильный холм, и хлад, и пустота.

Как этот миг – он долог или краток,
Он вечности становится сродни,
Как этих дней незнаемый остаток,
Как эта мысль в созвучиях земли.

***

Пойдем на край долины,
Простимся с последним солнцем.
Быть может, завтра не будет его и тебя.

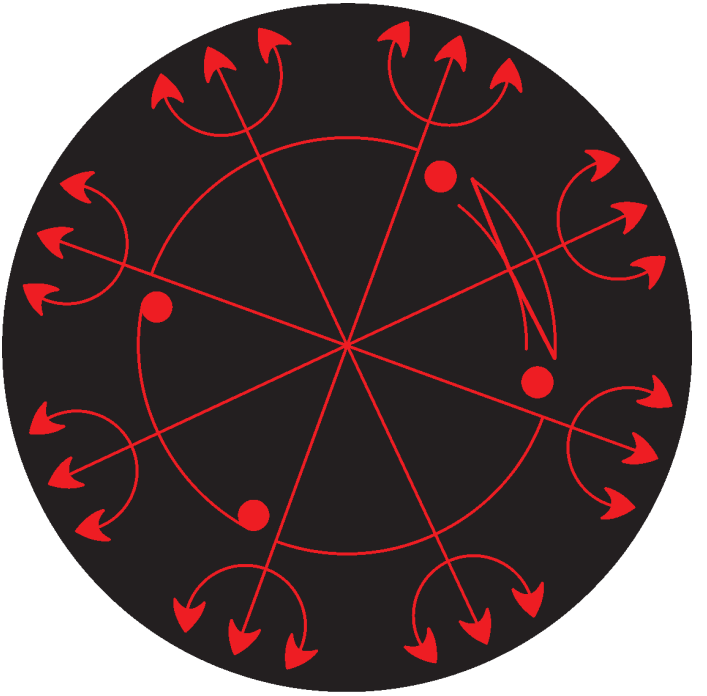
***

В Городе синем
Башни без окон.
Колокол желтый –
Брошенный кокон.

Бабочки белые
В Городе том
Вьются над каждым замерзшим прудом.

Бьемся, как бабочки, в этом окне.
Башни без окон
В замерзшем стекле.

Мне ли оставлены
В нашем пруду
Эти ступени
К зеленому дну?



владыка перекрестков вуду: ***эшу рэй***

Свечное дерево

Церковные торжественные свечи
былых колен
о будущем выстаивают вече
в час перемен.

Свечное дерево. Терпеньем нетерпенья
цветут огни.
Надежды горькие, разорванные звенья
соедини.

Молитва праздника, ковчежец упованья,
троенье тяжб.
Сияет таинством явившаяся тайна.
Что слезы? Блажь.

Пеняют прошлые и будущие царства
на прах свой, желт,
лишь причастившийся покоя и бунтарства
огонь не лжет.

Свечное дерево, твоей великой мощи
невидим брод,
и огоньки твои мучительные ропщут
из рода в род.

Пророчество

Узнать тебя в толпе, любительницу таинств,
поднять и унести в туманы бела дня,

и именем любви зачислить в сонм красавиц,
пока надежда есть на в яблоках коня.

Вот так же и слова, их, сколько б ни сбежалось,
не повторится век ротация планид,
чтоб, сказаны в стихах, и впрямь перемешались
и белых яблонь дым, и пена афродит.

Элегии о той, кто не была забыта,
но только и живет в смычках между колонн,
разбудят запах роз, и снова Афродита
в мифических мехах восходит на балкон.

За таинством спешит угрюмый всадник яви,
отдайте же ему, чего и вправду нет.
Но чувство, буде есть, очищено словами,
взвившись над алтарем, отринет постамент.

Эфир закостенит уста бездвижных граций,
пока любимцем муз беремен небосвод.
Но молния сверкнет, и звезды разродятся,
и он на свой язык скрижаль переведет.

ЭСФИРЬ КОБЛЕР

Дыхание Вечного Пути
фрагменты стихотворения

1
Глядя на небо, мы чувствуем себя молодыми;
Глядя на воду – предаёмся созерцанию.
Глядя вдаль – мечтаем о путешествиях.
Глядя в себя, мы понимаем,
Что ничего не узнали о жизни.
Что мы принесём в Великое Ничто?

3
Плыть в чистых водах первозданной реки,
Подставлять чешую ее ласковым прикосновениям,
Чувствовать свет и тепло сквозь прозрачную
Толщу воды, выпрыгивать, задыхаясь
В воздухе от восторга, от того, что река,
Водоросли, трава, деревья там, на земле
Принадлежат мне.
Я, рыба, единственное существо,
Осознающее, что плыть в бесконечность
В Вечное Ничто, – это счастье.

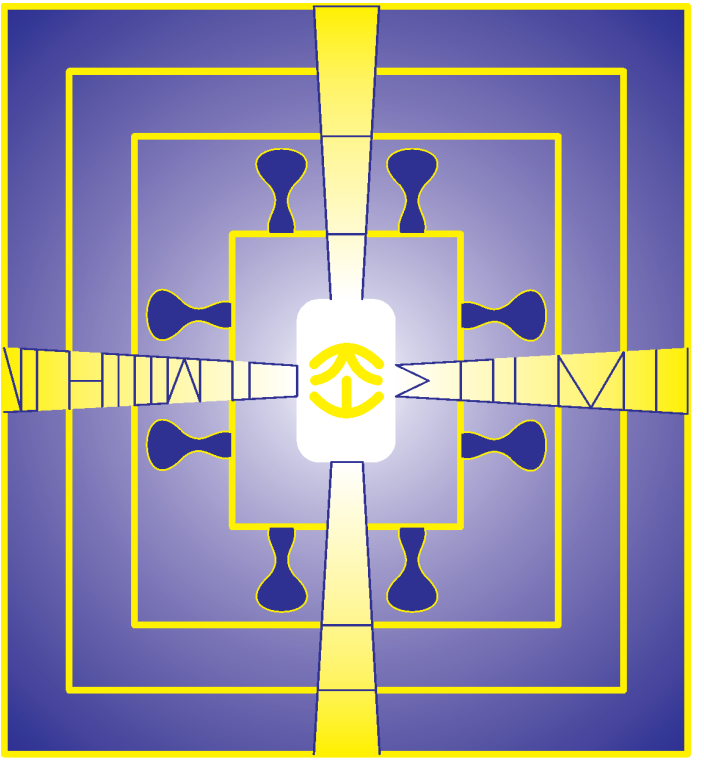
4
Когда я, Великий воин, стою на краю земли,
Смотрю, как в долгой ночи среди снега и холода
Танцуют боги в зелено-розовых сполохах,
Когда слышу внизу на льдине крик огромного
Морского слона, ласкающего свою самку,
Я сжимаю в руках копье, которым горжусь.
Я размышляю. Я иду разговаривать
Со своим братом, каменным близнецом.
Он последний, кто говорит с людьми,

Ибо камни больше не ходят и не говорят.
Земля остыла, люди уже не понимают
Язык деревьев и камней. Мы говорим
С каменным братом, чье лицо,
Нависшее над морской пучиной, похоже на мое,
О Великой Дороге, о Вечном Пути
к Великому Ничто
Который проходит каждый из нас.

7
Мой бесконечный труд не окончен.
Кто знает, будет ли он закончен вообще?
Десятилетиями я сижу в своей стеклянной
мансарде,
Откуда видно море и прекрасный Город,
И пишу, пишу.
Вижу, как лунный свет играет с морской волной.
Открыв окна, вдыхаю аромат цветов,
Слышу шум прибоя, бьющегося о берег, и пишу.
Кто-то свыше диктует мне книгу о парадоксе
бытия,
Я только записываю странность единения
Бренного тела и вечно кочующей души.
Отчего же Великое Ничто не создало вечное тело
И вечно пребывающую в нем душу?
О, Великое Ничто дало нам возможность
Исправления, заложенную в смертности
Нашего бытия. Человек не должен жить вечно,
Ибо тогда он уничтожит все живое на земле,
Не найдет путь к спасению и избавлению.
Иногда по вечерам я иду к морю. Смотрю
На набегающие и исчезающие волны,
Понимаю: таков Путь возвращения
в Вечное Ничто.

***

Распарившись в сауне,
Вся золотистая,
Марина купалась в декабрьском озере.
Марина купалась в декабрьском озере,
Распарившись в сауне,
Вся золотистая.
И озеро стало до дна золотистое,
И рыбы поплыли из чистого золота,
Когда из чистейшего зимнего холода
В тепло возвратилась Марина пречистая.
Все это в дождливой Финляндии было,
Все это в Финляндии было да сплыло.
Но воду, в которой купалась Марина,
Доныне считают целебной все финны.
Ее пьют для тонуса каждую среду
До завтрака, полдника и до обеда.
Намного полезней она натощак.
Врачи разбираются в этих вещах.



шаман: *кто опускается на дно морское*

БОРИС КОЛЫМАГИН

***

На краю одиночества
и полной невозможности ничего
за границей себя
сам
за вертолетом и синевой
ТАТ ТВАМ АСИ*

***

я в третьем вавилоне поселился
пока вполне
пока не удавился

***

Выйди!
и где они обитают
там
в стране его
в час рассвета
.....
что будет там?
этот голос ко мне?
голос ли?
ветер, слякоть.
выйти – и в сладкой мечте
за стеною крепкой
рушится
то есть

* Тат твам аси – «это [tat] есть [asi] ты [tvam]» («то ты еси») *(санскр.)* – одно из «великих речений» Упанишад. Им намекается на тождество сокровенной сути человека с последним основанием внешнего мира, Атманом и Брахманом.

стоит и стоит
и каменеет

***

Благословляющая рука
резко
издалека
на две части
раскалывается собор
и человеки
тихие до сих пор –
оскалы
за ними
вдали
узнаю лица
место
где мы встретимся
доброта глаз
поговорим
кого искали мы
чего хотели
легкие
в светоносном теле

***

Птица пролетела или тень ее?
Пятница страстная, крест, небытие.

Король и Паж
(Случай в поезде «Таганрог–Москва»
летом 2022 года)

Поезд шел… городов мимо… сёл…
Через реку… широким полем…
И предстало… Действительность?.. Сон?..
Каждый интерпретировать волен.
Я за чувства стою горой.
Но и это все – зримее молний!
Появляются паж и король,
Паж – в камзоле, король – с короной.
Словно тумблер сместили на ноль –
Все привычное вырвано с корнем.
И заспорили паж и король –
Что и кто из них в жизни исполнил.
Паж писателем был, а Король
Королевства, понятно, владыкой.
Впрочем, где естество, а где роль,
Кто под именем, кто под ником,
Псевдонимом то бишь, не всегда
Разберешь, ибо знанье способно
Отдавать свое вере, когда
Ограничены все, и условно
В жизни многое. К делу! Тома
Достает наш писатель. На столик
Их кладет. Свет души, блеск ума,
Концентрация дара в них, воли.
«Это я написал, это я!
Это жизнь моя трудная, легкая.
Это я, чувств своих не тая,
Шел по жизни неровной походкою».
«Это здорово! – молвил Король. –
Но, надеюсь, не станешь со мною

Состязаться ты в Творчестве Жизни? Пароль
К Тайне Этого творчества есть. И его я
Дам тебе.
Ты как сын мне, не просто паж». –
«За тебя я, отец мой, горою!» –
Паж готовился взять карандаш –
Записать, что услышит. Но воли
Говорить не нашлось в Короле.
Вместо этого из саквояжа
Книгу он достает. На столе
Среди чашек и ложек пейзажа
Появляется том. Ловкий Паж,
На обложку стрельнув цепким взглядом:
«Ба, да это же Библия! Наш
Разговор, видно, кончился даром.
Ни к чему не привел. Этот том
Я читал еще в школе, отец мой.
Очень многое дорого в нем.
Но Пароль – в Жизни Подлинной, Цельной?»
«Разговор содержателен наш.
Но зачем объяснение длинное?
Ты не веришь, мой сын и мой паж.
Это жаль, мое дитятко милое, –
Молвил с грустью могучий Король.–
Прочитай еще раз. Все исполнишь».
Поезд шел… городов мимо… сёл…
И качался вагон, словно волны
Моря мягко качали его.
И степей в синей дымке просторы
Расстилались в окне…
В купе никого.
Я один. И колес разговоры.

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН

***

Видишь свою судьбу — и она твоя.
До зачатья и после смерти ее края
Светятся, как серебряная листва.
Ты хотел узнать траекторию волшебства –
Меж полетом стрелы и двойным ударом копыт –
Где ты будешь рожден и кем ты будешь убит,
На каком языке будешь молчать и о ком.
У той, чьи груди снова полны молоком,
Бьется под сердцем часть твоего пути.
Только музыка скажет, куда нам дальше идти.
Посмотри, как бежит ручей, как цветет огонь.
Подойди — я хочу взглянуть на твою ладонь.

***

догорит свеча
в этом месяце будет свет
зазвенит апрель
в этом городе будет дождь
подойди ко мне
неужели тебя здесь нет
неужели здесь – ты услышишь
и подойдешь
кто-то двинет книгу
тихо садясь к столу
стряхнет с циферблата пару
пустых минут
не слышней чем шепот
дерева на углу
легче первого снега
пальцы к щекам прильнут
любимый
любимая

я навсегда с тобой
не уходи так быстро
какой закат

в этом городе цвет
сумерек
матово-голубой
не гаси огонь
это мысли мои горят

***

Многие вещи, случившись, произошли.
Другим не хватило опоры, песка, земли,
и, повитав над нами, они остались у тех,
чей с облаков мы слышим негромкий смех.
Я или ты – неважно, но тот из нас,
кто это сделает первым, проломит наст,
спустится вниз на шершавом крыле шмеля
и поцелует ладони твои, Земля.

***

лишь после этого я обратил внимание
на свой подозрительно маленький череп
одиноко валявшийся на берегу

***

Жизнь как сон. Смерть – во сне.
Солнце – рыбка в полынье:
не поймать, как мысль во сне, –
в глубину уйдет.
Разлепил едва глаза –
на привычных все местах.
Так? Не так! Пока ты спал,
пока солнце в полынье
пребывало в твоем сне,
море чей-то смыло след,
утащив на дно.
Смысл? – Туманен. Мыс? – Скалист.
Беспокойной рыбкой – мысль.
В море снов плывет она,
вынырнет средь бела дня.

***

Над землею мело…
на затылке глаза…
Воспарить тяжело,
если смотришь назад,
воспарить тяжело,
если падаешь вниз.
Над землею мело
непонятное из…

Слышен смех свысока,
где твои сто друзей.
Непонятна пока
расстановка вещей.
Виноватых иска…
непонятно зачем.
Против шерсти зачем.

цветы в пустоте:
будда, кугэ

АЭЛИТА КУЛЕШОВА

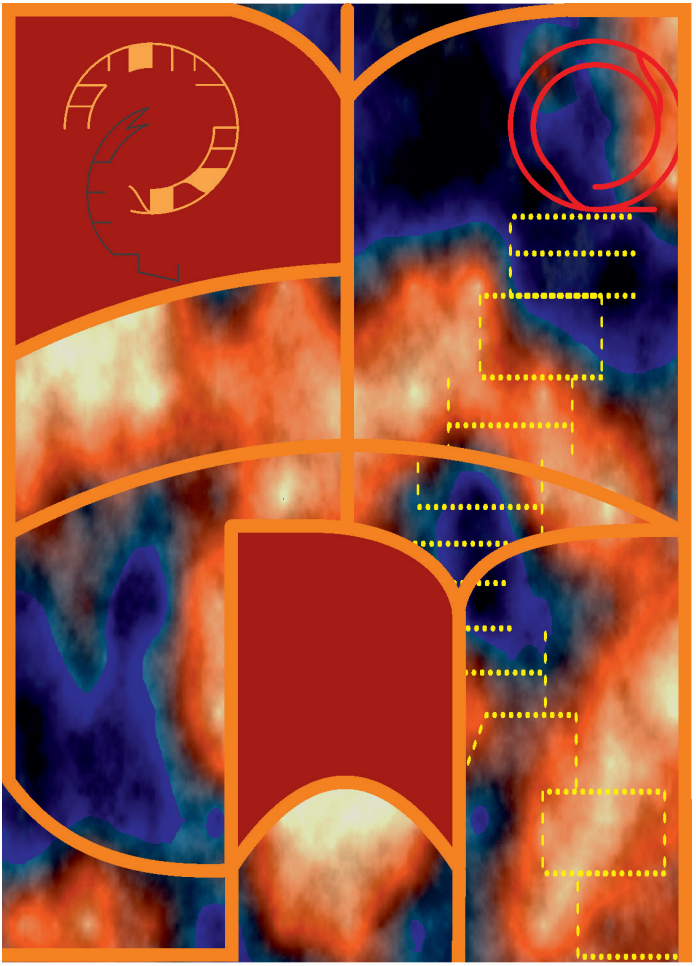
Мистика

Он шел и воздуха поток
врывался в легкие. Как пьяный,
шатаясь, брел, не чуя ног,
дорог не зная, шел упрямо.
Недостижимая мечта
нездешней красотой манила.
«Всё сделаю, – кричал с моста, –
о чём бы ты ни попросила!»

Внизу стелилась длань реки
свинцово-сизой полосою,
снежинки таяли (легки…)
над равнодушною водою.

А он губами шевелил,
и пальцы мерзли – разжимались,
и отпускали стынь перил,
глаза в прекрасный лик впивались.
Сквозь муть воды, на быстрине,
белеющие мнились руки,
потом держали на волне,
несли куда-то… Сладки муки!

Глаза открылись: «Святый Боже! –
Он встал, налил стакан воды, -
Какая чушь присниться может!»
И вдруг увидел: из прихожей
тянулись мокрые следы.



великое благоденствие души по конфуцию:
небесная, земная, солнечное ци, ритуал

БОРИС КУТЕНКОВ

***

...и состав отошел на Изюм
Олег Дозморов

Библейская ферзь открывалась для слов,
состав отходил от ворот.
«Возьми меня, Боже, я к смерти готов, –
твой плакал младенческий рот. –
Я легкое тесто, уставший от этих и тех,
весь-весь дрожжевой ни о ком.
Закрою глаза – и себе молодой политех,
страны огневой военком;
открою – и злак без особых примет,
всё тело губное в пыли,
возьми мое тело, я комнатный свет,
возьми и к губам прибери».

Не все открывалось для ада в бесшовную тьму,
и друг отходил по врачам.
«Не надо, не надо, я Боже и в руки возьму,
я бабочка, – я отвечал,
и лопалось тело в ладонях, что Твой виноград,
состав отходил на Изюм, –
я тоже себе лозовое, но брат тебе, брат,
собравший рассеянный ум,
а хочешь – и общую смерть соберу, как вода
в карманы припрятанный вой,
мой сорванный братец, не надо туда,
так страшно во тьме речевой;
а пасть отворю – и на замысел твой
в ответ полетят снегири;
возьми мое тело, сам-будь мне конвой,
возьми и к губам прибери».

Не все открывается речи на темном весу,
есть место в аду для любви,
и красная кнопка – укромная клюква в лесу:
не рви ее, Боже, не рви.
Но что Тебе, Господи, наши ремни по глазам?
За неостановленный вой
домов материнских, прости за свистящий вокзал
и в небо укрой головой;
свистящее небо, любовно укрытый хребет,
укромное небо у ног.
...А друг растворился – снегирь без особых примет.
Где носит его? Видит Бог.

АЛЕКСАНДРА ЛАСТОВЕРОВА

Да родится мир

У кого нет своей системы координат,
Тот живет в чужой.
Я знаю ствол, крону и корни.
Я видела червей в почве,
Они рыхлили ее, делая в ней ходы.
Я видела червей в древесном теле,
Они ели его, оставляя раны.
Видела червей на листьях и в плодах.
Везде, где есть сок или гниль,
Живут черви.
Но те, что в кроне, не могут быть в земле.
А те, что в земле, не вынесут плотности ствола.
Тем не менее, для всех них существует единое слово,
А сами они друг для друга – нет.

Я видела птиц, ходящих по траве.
Видела птиц, летающих в небе.
Видела птиц, сидящих в дуплах.
И это не были одни и те же птицы,
Но для них тоже есть свое слово.

У того, кто мечется между чужими системами
координат,
Своего слова нет.
Зато есть дар –
Видеть чужими глазами.
И расплата за него –
Чувствовать чужой кожей.

Я видела червей, поедающих ствол.
Видела птиц, клюющих червей.
Я была птицей, червем и стволом.

Как это странно – иметь не свою кожу.
Как это больно – не иметь своего слова.
Как это бессмысленно –
Разговаривать с червями на птичьем.

Так обвейтесь же вокруг меня, корни,
Прорасти сквозь меня, ствол,
Проткните мою живую плоть, ветви –
И да родится мир.

Я видела людей, строящих дома.
Видела людей, разрушающих храмы,
Видела людей, охотящихся на птиц,
И это были одни и те же люди.

Как это странно – быть ими всеми одновременно.
Как это больно – умирать во имя рождения.
Как это бессмысленно – разговаривать с ними
на древесном.

Безответное

Не будет космической бури
по поводу гибели тела.
«Вот, – скажут, – душа отлетела», –
и после невольно закурят.

Когда же душа, задыхаясь,
кончается в ласковом теле,
о ней говорят: «В самом деле?
А кто она, в общем, такая?»

Душа – это вещая птица.
Бездушное тело – проклятье.
Прочь старое грязное платье –
бессмертною нужно родиться!

Ты боль наша – и врачеванье,
ты слабость, душа, – и сила.
Но в дар я тебя не просила,
ты – тайна существованья.

Отворот на болезнь

Лихоманка Марья Иродовна,
приходи ко мне вчера.
Я не дочка твоя на выданье,
не подруга твоя, не сестра.

Я подушку повыше взбила,
шаль накинула, всю в кистях.
И за что ты меня полюбила,
загостилась в моих гостях?

Ну, какое со мной веселье,
или ждешь чего – не пойму?..
Пристрастилась ты в самом деле
к чаю-сахару моему.

Я раздвину тяжелые шторы,
залюбуюсь вечерней звездой.
Не пора ли тебе? Час который?
Так подай хоть стакан с водой!

С утра до ночи – где это видано! –
и потом опять до утра...
Лихоманка Марья Иродовна,
приходи ко мне вчера!

Из цикла «Отражения в воде»

***
Оба неба светлы –
и свет пронизал насквозь
всё между ними.

***
Небо из стекла
у меня под ногами.
Боюсь наступить.

***
Лица умерших
вновь отразились в небе
меж листьев на дне.

***

Смерть сидела в вагоне напротив.
Тихо скалясь, глазами косила.
Она в джинсах была и косухе,
Её где-то сегодня носило...

Смерть неслышно шагала за нами,
Но никто к ней ещё не привыкнул.
Её видели все и смеялись,
Освистали, а кто-то окликнул.

Сквозь очки исподлобья смотрела
На толпу удивлённых людишек.
Ухмылялась и песенку пела,
И, казалось, её кто-то слышал!

То чудная девчонка под гримом
С карнавала судьбы возвращалась
И шокируя маскою смерти,
Надо всеми она издевалась.

Чудо-лестница вверх уносила
Из метро эту странную гостью.
Что она в этом мире забыла?
Что оставила там, на погосте?

***

Семеро мерят руками зелеными,
Пашут и пляшут лугами палеными.
Желтыми красками плавится сон.
Синим безжизнием воздух рожден.

Хочется белой, немой пустоты.
Точится червь в земляные кусты...

***

День любви перед закатом –
Солнце превратилось в атом.
Мы – в небесные фотоны
Огневой его короны.

***

Заклинание змей на солнце:
На белом, чистом, золотом песке.
Я вижу в низкое оконце
Плывущий табор вдалеке…

И тайный танец змей-изгоев
Изменит ось,
Того, что было, может, будет –
И не сбылось…

От колеса Фата-Морганы
Струился след
Куда-то в длинные барханы,
Которых нет…

Черная кошка

I.

Черная кошка – не хочет дружить.
Черная кошка – себе на уме.
Нравится ей в потаенности жить,
В мягкой, не тронутой лампами, тьме.

Вон она! – там, в переулке пустом!..
Только два глаза заблещут вдали...
Вон она! – прыгнет в заброшенный дом
И растворится в прохладной пыли.

Вскоре по крыше пойдет не спеша,
Словно в туманном, изнеженном сне...
Вот она! – бархатной ночи душа! –
Черная кошка при желтой луне!

II.

Я видела, как она ступала по ночному небу
Своими мягкими черными лапами....
Как она окуналась в бархатную черную негу
И любовалась звездными лампами...

Как катала туда-сюда по небосклону
Серебряный лунный мячик...
Как ее приманивал к своему звездному трону
Призрачный млечный мальчик.

Как таинственная богиня ночи
Склонялась перед ней ниц...
И, словно считая ее собственной дочерью,
Исполняла каждый ее каприз.

...Черная-черная кошка
С золотыми ночными глазами
Ушла ты по лунной дорожке
Вслед за волшебными снами...

III.

Кошка, бродящая в ночи,
Окнами прошедшая случайно...
Ты, при свете меркнущей свечи, –
Тайна.

Уми-ро-тво-ря-ю-щая тьму,
Как ты бестелесна и хрустальна...
Ты, принадлежащая – кому?
Тайна...

Пе-ре-хо-дя-щая во сны,
Ты, словно музыка, – астральна...
Ты, к нам пришедшая с луны,
Тайна...

Вот и не найти тебя нигде,
Ты, как все виденья, нереальна...
Ты, уходящая к звезде, –
Тайна...

***

При чем здесь ложь, когда мы все невинны?
При чем здесь сны, когда мы влюблены?
Зачем мы вспоминаем детства зимы?
К чему нам ждать опять приход весны?

Среди загадок мы бредем по лабиринтам,
Внутри пещер рисуя на стенах
Ответы на вопросы, что мы слышим.
Зачем? Мы знаем, что такое страх.

***

Ван Гог и Ренуар создали этот мир.
Рублев и Джотто расписали купол.
Нам бог под ноги травы постелил,
Дал жизнь и смерть, свиданье и разлуку.

Жизнь камня, сон, любовь и плеск воды –
Я к ним прильну и их не разгадаю.
В руинах храма я на корточках сижу
И молча одуванчики срываю.

***

Я не знаю, смогу ли найти ту звезду,
Что упала давно,
В моем детстве крылатом.
Я не знаю, увижу ль тропу наяву,
По которой клубок меня манит куда-то.
Я не знаю, увижу ль Спасителя лик,
Или хрустну снежинкой, раздавленной звонко.

И останется ль в сердце всегдашняя боль,
Или сломана будет стальная иголка.

***

на задворках поэзии
девочкой восьмилетней в коротком платье
стою и смакую
верлибровый леденец-монпансье
будто в провинциальном дворике моего детства
среди клумб с розовыми ромашками
и деревянных низких заборчиков
сочно-зеленым летом
когда акация уже набрала силу
и мальчишки собирают ее желтые
то ли стручки то ли цветы
делают из них дуделки
и дудят в них так
что в ушах звенит
когда ничего не откладывается на завтра
потому что завтра нет, а есть только здесь и сейчас
когда вот-вот позовут домой
и этого ох как не хочется
когда вокруг влажной шуршащей зелени
сгущается серый вечер
и клонит в сон
когда курлычут голуби
и где-то рядом в сторонке в теньке
дремлет вечность
о которой я ничего не знаю

***

В четвертую стражу ночи,
Когда от бури устанут
И пятиться волны станут,
В четвертую стражу ночи,
Когда за тучами звезды
Пойдут сплетаться по кругу,
И влажными хлопьями – воздух,
Туман оплетет округу.
В четвертую стражу ночи
Уснут безразлично стражи,
Затихнет покой в пейзаже
В четвертую стражу ночи.
И страждущий усмехнется,
Со сна отгоняя страхи,
За кем-то круг разомкнется,
Пустыней идущим во мраке.
В четвертую стражу ночи,
В провинции, спрятанной глухо,
Бредет по воде как по суху,
В четвертую стражу ночи.
И будет, задумавшись, кормчий
Смотреть, как восток рассветает.
...Про чудо никто не узнает
В четвертую стражу ночи.

Вавилонские боги

Ничего не случилось. Но замерло сердце в тревоге.
Желто-пряный закат облака разметал, как постель.
И смотрели на нас ассирийские боги,
И следы заметала шальная метель.
Ничего. Просто ночь в свете бликов казалась нам
бледной,
Замерзавший канал из гранита выплевывал пар.

И над звездной вуалью закрытой Вселенной
Лунно-зыбко вздыхала богиня Иштар.
Обитатели линий с проспектов стремились в берлоги,
Проходя по мосту над свинцовою тяжестью волн.
Вавилон покидали забытые боги,
И, забытый богами, пустел Вавилон.
Ничего не стряслось в междуречии Тигра с Евфратом.
Вавилонские звери на лапах лежат у дверей.
И копыта взметнулись на площадь Сената,
И стучат именами забытых царей.
Так, когда в небе сетью сплелись провода и дороги,
Когда город с огнями становится скопищем мук,
В преисподней ликуют шумерские боги,
Веет черной метелью коварный Мардук.

Vita brevis, sed musica aeterna*

Наш век – лишь доля мгновения
в закручивающемся беге времени внутри нашей
Галактики...
Наша Галактика – лишь плевок Бога
на черном холсте нашей Вселенной...
А что есть наша Вселенная?
Но когда Галактики начали в ужасе разбегаться
от неизбежности Большого взрыва,
по вновь возникшей Вселенной рассыпались
созвучия аккордов – и побежали следом за звездами,
преломляясь и переливаясь в их, пока зыбком, свете.
А звезды притягивали к себе межзвездное вещество,
и вот уже планеты закружились, создавая
неповторимую
музыку сфер, связавшую мир в единую сеть гармонии.
Так – из Большого взрыва, бега Галактик, танца планет
и тоски бесконечности Вселенной – возникла
Музыка.

* Жизнь коротка, а музыка вечна *(лат.). (Прим. авт.)*

ЕЛЕНА СЕМЁНОВА

***

Поздно. Опять не протер зеркала
Мастер работы с рассеянным светом.
Пряха проселком его провела
В сени лесные, в горницу ветра.
В рыжем намордник месяц вставал,
Мавки на дереве думы шептали,
Тонко звенела в ушах тетива,
Стрелка крутилась в искании тайны,
Что в сохраненье ее, в немоте…
Вышел, и дол замигал светляками.
Бог мой, в разверстой неба гряде
Зрело и высилось слово, как камень.

***

Тыльная сторона, Великое Под,
Не знание, но испод его и изнанка
Во взглядах растений, в их касаньях живет.
Мнится колокол, с боталом бродящий скот,
Смутная перебранка, звуки гонга, истоки Ганга.

Движешься наугад в лесах скульптур и палат.
Выпад, захват, преткновение и… зиянье.
Но – сбитый отчаяньем, чуешь раскат,
И в сиянии, в знобко белом золоте лат
Рослые смелые сквозят изваянья.

Кинешься – здравствуй, но меж пальцев златой
народ
Прочь утекает. Лишь куполом древним
Небо преданно пред тобою встает,
И – в чутком утреннем шорохе вод
Льются нам в кровь и пот золотые тени.

Кто мы? Чем нам располагать? Всем нам
располагать!
Так же, как всё вокруг располагает нами.
Можно спать, летать, смеяться и грозовать,
Но главное – с легкостью вещи все называть
Острыми, как лоза, звучными именами.

***

Володе Герцику

Все мы бываем в странных местах,
Нерастворимых, но словно обратных.
Это – застывшие белые пятна,
Где ореолом сквозит высота.
Это – растущие в небо столбы
И обещание сил вероятных.
Как сотни искр в основанье стопы,
Мнящие в нечто белые пятна.
Это – хохочущий знак мыслеформ,
Спящих в беззвучье в устойчивых колбах.
По мановению высоколобых
В тонком портале включается фон.
Венно. Сцепляются рук завершенья.
Как карусели кружит колесо.
Ждешь в заземлении властной мишени
Выход извне и дарение сот.
Нити ноздрей, как на кончиках сабель,
Верят в стечение сладостных смол.
Сирин поет. И во сне-баобабе
Больше не страшен стен произвол.

***

ты где-то там стоишь за дверью
тебя просто не видно
но я знаю, что ты есть
ты веришь мне, когда мне никто не верит
ты любишь меня, когда меня никто не любит
ты не оставишь меня, когда меня все оставят
ты будешь со мной, когда никого не будет
только я одна знаю, что ты не умер

***

В маминой квартире так спокойно
Как в детстве
Вот снег пошел
Кажется что некоторые снежинки
Летят не вниз а вверх
Когда другие люди наполнят этот воздух
Своим дыханием и голосами
Сделают ремонт
Уберут с потолка виньетки
Все будет чисто и ровно
дух мамы выпорхнет в окно

***

В моем сердце ноет мелодия несовершенная
странная
Тупая боль
Я отпустила весла, и река несет меня
И только Бог
Знает куда
Когда еще не было Земли и звезд
Мы встречались с тобой на небесах

А сегодня я принесла
Еду твоей больной собаке
Когда ты пьяный спал на грязной кровати
И ты, конечно, забыл нашу первую встречу
Ты разбил нашу дружбу
Вас много, вы вместе, вы веселы
Я одна и мне холодно
Тот гений не прав. Он солгал
А вы ему верите
И ты был там, в толпе со всеми
Ты тоже аплодировал
Когда музыка
Тихо, печально ныла в моем сердце
И хохот стоял над рекой.

Ужин с Фаустом

Черный ангел за окнами кружит.
Он веселье сливает с тоской.
Что закажем сегодня на ужин?
Чем расплатимся после с судьбой?

Наша молодость звонкой монетой
Оказалась – и нынче в ходу.
Что получим с тобой мы за это,
Перед тем, как проснуться в аду?

Черный ангел проносится мимо.
Перед ним расступается свет.
Я была молода и любима,
А сегодня меня уже нет.

Жизнь от этого стала не хуже.
Не заметил никто ничего...
Что закажем с тобой мы на ужин?
Что останется после всего?

Морской царь

Приди ко мне на берег янтаря,
на берег янтаря, в пучину моря,
где ни о ком не думают, скорбя,
где нет ни состраданья и ни горя.
Приди и растворись в сиянье вод.
Песок души смывает жизни пена.
Здесь для тебя без устали поет
беспечная душистая сирена.

Пусть каждый час предчувствует грозу,
сильнее страсти аромат прибоя.
Я подарю тебе свою звезду
со дна небес, из поднебесья моря.

***

Когда выходит девушка из моря,
Ей безразлична жизнь на берегу.
Но эйфория погруженья вскоре
Пройдет
и, запыхавшись на бегу,
Она начнет искать свои пожитки.
Там ждут друзья, там фрукты и вода...
Но фрукты съедены. И выпиты напитки.
Друзья рассеялись по пляжу кто куда.
И полотенце брошено небрежно,
Песок засыпал коврик.
Все не так,
Как было раньше.
Это неизбежно.
И это перемен грядущий знак.
Когда однажды выйдешь ты из моря,
Ни берега не будет, ни песка...
И ты увидишь в сумрачном просторе
Похожие на скалы облака.
И спросишь ты: где я и где былое?
И вдруг поймешь, что ты уже не ты...
А где-то выйдет девушка из моря,
В сиянье безупречной наготы.

Демон пустых деревень

В тихий край сосновой меди и холодных черных рек
снова ты напрасно едешь, неуемный человек.
По земле российской древней долго рулишь
через дождь.
Зря.
Не та давно деревня.
Потерялась – не найдешь.

По полям да мимо плесов – трасса в Латвию пуста,
без помех несут колеса в подзабытые места,
где, столпившись у обочин, подозрительно бойки,
машут лапами, пророчат вслед беду борщевики.

Все сильнее бьется сердце.
За мостом в лесу просвет.
Ты мечтал вернуться в детство, а вернулся –
детства нет.
Отдохни, постой немного, сигаретой задыми...

Место, брошенное Богом и забытое людьми.
Грязь, нахохленные крыши, опустевшие сады,
по подпольям рыщут мыши в тщетных поисках еды.
Дождь постылый заливает гниль нескошенных
полей.
Долго лить ему?
Кто знает!

Успокойся.
Сядь, налей.
Ни к чему тебе все это, и былого не вернуть.
Заночуешь, а с рассветом выбирайся как-нибудь.

Оплывают воском свечи, пусто на сто верст вокруг,
то ли утро, то ли вечер, капель гулкий перестук.
Подступает полночь злая, и во тьме приходит
страх,
кто-то прячется в сарае и шевелится в кустах.
Ждать, тоску превозмогая, нету сил.
Задремлешь ты...

...Некто глянет, не мигая, на тебя из темноты.
Не упрямься, стань покорным.
Не спасешься взаперти.
Он войдет – огромный, черный –
в нежить злую превратит.
Им натаскан и послушен,
алчным демонам под стать,
будешь человечьи души в непогоды отбирать.

Станешь, мрачной силой послан,
не отбрасывая тень,
выть тоскливо на погостах мертвых русских
деревень,
страшен,
никому не нужен...

...Утро.
Петушиный крик.
И таращится из лужи на тебя седой старик.

ЮРИЙ ТУБОЛЬЦЕВ

Зеркалиада

За переотражениями нет первоотражения, ибо в зазазеркалье нет начала и конца…

Бесконечность параллельных зеркал ни что иное, как мысль, мыслящая саму себя.

Каждый раз, смотрясь в зеркало, ты его изменяешь.

Если зеркало тебя не отзеркаливает, либо ты уже умер, либо что-то умерло в тебе…

Причина света – это тень. – Закон зазеркалья.

Разница кривизны зеркал всех отечеств в сумме может выстроить достаточно ровную цельность отражения бытия.

Если хочешь увидеть бессмысленность движения отраженной – брось камень в зеркало, и весь превратись в зрение – ибо у тебя полсекунды…

Корчи рожи в зеркало, и с какой-то версией себя ты в отражении сомкнешься.

Если у тебя зеркальная расческа – то причесывай себя в зеркале.

Если у тебя окончательно разбита душа – не ломай ею цельное зеркало, а найди для нее разбитое.

Если зеркало перед тобой кривляется или мутнеет – смотрись в движущуюся воду – ты все равно ее не испортишь…

Если утопишь зеркало в воде, то тогда поймешь, что вода появилась из зеркал.

хуан ахну и шбаланке:
зеленые тростники, растущие на равнинах

АННА ФИЛАТОВА

Хранители огней

Мы с тобою – хранители древних огней,
Оживляющих свет наших глаз.
Но чем ярче костер, тем и больше теней –
Нам следить, чтобы он не погас.
Если хищные ветры сомнения вдруг
Поколеблют его ровный свет,
Мы укроем свечу теплотой наших рук,
И отступят предвестники бед.
Это голос огня зовом с дальних вершин
Через нас свою мощь распростер,
Если гаснет хоть где-то частичка души,
Мы поленьев подбросим в костер.
Если пропасть безверия вдруг засосет,
Сил не станет рукой шевельнуть,
Все же кто-то другой снова дров принесет
И откроет к спасению путь.
День и ночь на смертельных таких рубежах
Нам блюсти молчаливый дозор,
Чтоб сберечь, отгоняя бессилье и страх,
Нам доверенный Небом костер.
Я хочу раствориться в хрустальных твоих небесах,
Я хочу погрузиться в перину твоей тишины,
Затеряться, укрыться в зеленых твоих волосах,
Дом мой – лес, чьи чертоги полуденным
светом полны.
Я движением лишним не смею нарушить покой,
Тихой радостью дышит шумящий ветвистый уют,
Мне осталось, к шершавой коре
прижимаясь щекой,
Слушать, как по стволам восходящие токи бегут.
Нить тихонько свивая под кроной
таинственных древ,

Я вплетаю в шуршанье листвы прядь
волнистых волос,
Чтоб однажды на склоне времен вновь
уснуть, замерев,
Чтоб дыханье мое до конца в песню леса влилось.

Помнишь – когда-то там белый струился свет,
Как отражался он в реках и родниках?
Помнишь – там были мы бликами на листве,
Ливнями среди гор, птицами среди скал?
Воздух там был так чист, что аромат цветов,
В нем растворенный, мог нас напитать сполна.
Каждый зеленый лист был все отдать готов,
Всюду звучала песнь, всюду цвела весна.
Звали тебя огнем, звали меня водой,
Ты сотворил меня, я приняла тебя.
Мудростью звезд и слов, силой и красотой
Наш создавался мир, домом была земля.
После, сквозь мили лет, мы потеряли путь,
В узел связалась нить среди чужих дорог.
Но еле слышный зов знал, что когда-нибудь
Нас приведет домой, только настанет срок.
Слышишь: в твоей груди бьется чистейший ключ,
Бубен звучит внутри, свой отбивая ритм.
Я устремлюсь к тебе ливнем из черных туч,
Белым лучом луны, морем – к ногам твоим.
Только вернись скорей к той, что дарует жизнь,
Выйди из-под руин к храму своей земли
И по-иному к ней заново прикоснись,
Спой сотворенья песнь, раны все исцели.
Шел ты давно сюда, так, что забыл сам путь:
Слишком он был тяжел через затменье лет.
Пей же из рук нектар, воздухом полня грудь –
Видишь? Сквозь ткань листвы белый
струится свет...

Уход не равнозначен расставанью

*

Словно в раковину опускаясь,
я вхожу в свой огромный Храм.
В нем без звука удары тают
и воздушность летит к облакам.
Расскажу – никто не поверит:
чудо знает секреты свои.
И стоят, как в дверях, – в преддверии –
сон и явь. Неразгаданность их.

*

Ощупью, споткнувшись о планету, я бреду
как будто наугад,
Мимо проплывают чьи-то беды – их рукой
достать.
И кочует в недрах справедливость: у нее своя стезя.
Словно ветер, мысль рвалась и злилась,
Солнце за Луной катилось, двигало, сверкало
и искрилось,
а Земля под тяжестью молилась – ей без тяжести
нельзя.

*

Покой не входит – он вползает в дом
и чистит стрелки на часах остановившихся.
Вопрос был задан, а ответ крошился крекером.
Как просто – все потом...
Я возвращаюсь и снимаю крылья

*

Без сновидений, как без ожиданий
передо мной тропа – что нить воспоминаний,
ее бы разорвать, да не могу:
как наяву она во мне...

*

Доказательство – ложный признак.
Уходя, проявляется призрак.

*

Сколько раз мне снился этот сон...
На луне я кошкой ночевала.
Звуки облаков не различала.
Ждала.

*

В лесу живет мой Бог
И в доме у огня мне улыбается лимоном в чашке чая.
Он видит то, что я не замечаю, – венец обид,
их целый рой, колючих, суетных, невнятных...
И будет ждать, пока я успокоюсь,
проснусь навстречу утреннему солнцу
и в лес гулять пойду, где Он простит меня.

*

Томе Ч.

Я принимаю с легкостью нерадостную весть,
что нет тебя на свете, но ты со мною есть!
В ладони – пепел горсткою: часов песочных бой.
Бред кажется молчанием. В зевоте – звук немой.
И я скажу:
– Вот глупости! С тобой они всегда!
– Пустое! В нашем возрасте? – успеешь ляпнуть ты...
Я двери все открою, чтоб ты могла войти.

*

Уход не равнозначен расставанью.
Живая плоть от боли вопиет,
и память мечется, как свет в стекле окна умытого...
На всем лежит земная благодать.

ИВАН ЧУДАСОВ

Памятник

Просмотрен жизни фильм в ускоренном режиме.
Аллеи из надгробий и крестов.
Меня здесь памятник один влечет, и мимо
Я не могу пройти, хотя готов.
Тревожит душу надпись буквами своими,
Но я бы не был ею так томим
И не печалило меня бы это имя,
Когда бы не было оно – моим.

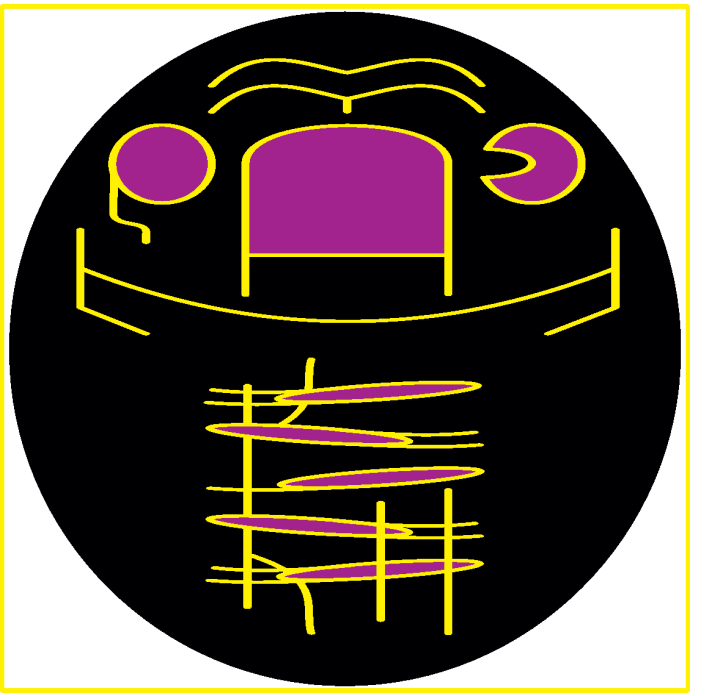
***

Что-то мне постель моя узка,
Словно сплю в какой-то узкой лодке.
Нет матраца. Лишь одна доска.
Ком волнений появился в глотке.

Темнота кругом, хоть глаз коли.
Встать хотел – едва ли не убился.
Либо высоко я от земли,
Либо потолок ко мне спустился.

Не пойму я: где я, что со мной.
В жутком страхе щупаю пространство.
Всюду доски. Давит. Боже мой!
Что за шутки?! Что за хулиганство?!

Отпирайте! Нечего пугать!
Я взываю в крике, в плаче, в стоне.
Долго ли еще так, вашу мать!
Нет!!!
О ужас!
Я живым схоронен.



безграничное время:
зерван акарана

***

что он знает
оставивший тело у входа
незрячий

на огонь обреченный
на тлен
на голодную воду

кто его проведет
за глухую смердящую реку

где сырая земля солона безначальна
где утлое дерево гнется
и воет
и курлыкают жерди моста
под немыми босыми шагами

так ему колыбелька скрипела
липовая скрипела

мать деревянной рукой домовину
держала
не отпускала

и кутья на печи
подгорала шкворчала

жена овдовело
сиротку на лыках качала
дня и ночи не различала

а ему от огня невесомо и зябко
а ему от земли тяжело беспробудно
а ему от воды не опамятоваться
и несет его птица сквозь долы и ветры

и заветное слово
уста забывают

только липовый скрип колыбели
белеет
длинношеим протяжным
курлы..

11.01.– 25.02.2023 г. Пекин, Лунцзэ

Паньгу

как много здесь обещано воды
на поводу у воздуха –
река
питает камень убивая камень

но катится по небу малахит
и небо осязает
высоким нёбом грозовую медь

и отражается в себе
и отражает себя и –

тот кому назначено смотреть
на то как искры прожигают память
колец древесных

воплощает твердь
становится
ее глазами

на глиняных ногах ступает по земле
и – корни гор шевелятся во мгле
в огне

отражены его шагами

31.12.2021-3.01.2022 гг. Пекин, Лунцзэ[*]

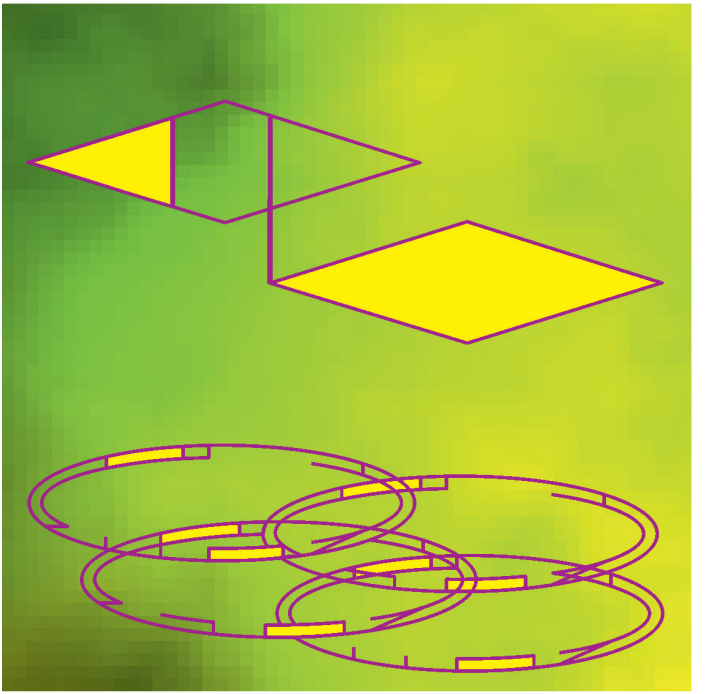
* Паньгу — в древнекитайской мифологии божество, первопредок людей, разделивший небо и землю.

Авторская пунктуация сохранена.

СЕРГЕЙ ЯСЬ

***

Когда я маленькой была,
Смотрела в спальне на окно я:
Щель в шторе, сверху и до пола.
Стоял за шторой кто-то в черном.
Сквозь щель глядел не отрываясь.
Я не спускала глаз с его лица.
Оно в тенях почти терялось,
Не рассмотреть его мне до конца.
И мама просыпается от крика:
– Там дядя, мама! Смотрит и стоит! –
И мне самой от крика стало дико.
– Нет никого, – мне мама говорит.
На штору не взглянув и от души зевнувши,
Уходит мама, маму клонит в сон.
Смотрю сквозь щель почти что равнодушно.
И вижу: улыбается мне он.



время-сон:
аль черинга, чуринга

ПОКРЫВАЛО НОВОЙ ИСИДЫ,
или
Послесловие к (опти)мистической антологии

Вообще-то, вся поэзия – дело сугубо мистическое. Как в рассуждении процесса («мне диктуют, это не я пишу, не я, а Свыше Кто-то! Как же я могу это редактировать?!» – возмущались участники литстудии «Логос» при МГУ им. М. В. Ломоносова, соведущей которой я была в начале нулевых), так и в том, что касается результата. Первые поэтические тексты-молитвы пелись жрецами, конунги побаивались скальдов, и есть мнение, что именно символисты-декаденты своими туманными заклинаниями вызвали к жизни Красный Октябрь…

Что такое ~~счастье~~ мистика – это каждый понимал по-своему. Не будем плутать в лабиринте определений и обратимся к мистическому покрывалу, сотканному нашими современниками, членами Московского союза литераторов (столичного подразделения Российского союза профессиональных литераторов).

39 авторов, 39 взглядов на неочевидное, сверхъестественное, сокрытое за фасадом бытия. Повторяющиеся, освященные вековой традицией мотивы (Бог, Богиня-Мать, ангелы, звезды, зеркала, смерть, кладбище, посмертие, призраки, духи, оборотни) получают оригинальные трактовки, позволяют снять своего рода «кардиограмму» мистических настроений наших современников.

Но обо всем по порядку.

В парадоксальных строчках Максима Александрова, искрящихся неожиданными сравнениями, лирический герой стремится «навстречу пробужденью / От сна к другому сну» («Сны»). Здесь слышится несколько приглушенное абсурдистской сурдинкой, но явственное эхо Серебряного века:

А в церкви имени Бога
Опять зажигают свечи,
И словно душа поэта,
Настежь распахнут вечер.

Огромные, как вороны,
Звезды на гребне крыши.
А я провожаю знакомых –
Выше, выше, выше... *(«А в церкви имени Бога...»)*

О Боге бесстрашно пишет и Надежда Антонова, у нее Он при Встрече

Пожалеет своих деревянных солдат...
Доточит наши кривые поленца
Растолчет зерно, испечет хлеб, накормит воинов
И наступит утро *(«Бог страшен...»)*

К Николаю Архангельскому «явился ангел» и поэт, в его жилище быв перенесен, «распознал тот дух, что иногда / тревожил слепую душу и сознанье множил»...

Тема анамнесиса, «припоминания» инобытия души, составляет стержень и стихотворного путешествия Изабеллы Вербовой в черногорскую Будву, и баллады «Странный корабль» Александра Гутова, и стихотворения Марии Поповой «на задворках поэзии...» – перечисление можно было бы продолжать, но пространство статьи ограниченно.

У Натальи Гребневой тема Ангела-Хранителя переплетается с темой судьбы как приближения к Свету. Причем человек у нее оказывается тоже хранителем, оберегающим и даже спасающим божественное посреди мирского, дольнего и грязного.

«Странное томленье духа» как «единственно верный ответ на суету будней» сквозит, несмотря на иронический авторский взгляд, в строчках Алексея Воронина. «И мы застыли / В поле цветами...» – говорит он, а потом сравнение раскрывается через мотив ветра-судьбы. Образ судьбы, точнее – множественных «звезд-судеб», увиденных сквозь «магический кристалл юности» пронизывает философские строчки Ларисы Зубаковой: «Расплата за награду / Приходит в срок. / И ничего не надо / Менять в судьбе, где все слова – судьба».

Еще один «кочующий» мотив мистической лирики – сон. Причем часто это «сон во сне». «Is *all* that we see or seem / But a dream within a dream?» – «Или то, что

зримо мне, / *Всё* есть только сон во сне?» – вопрошал когда-то «безумный Эдгар» (в переводе Бальмонта). Вопрос из разряда «проклятых», и каждый хоть сколько-нибудь мистический поэт ставит его заново. У Андрея Ивонина этот сон многоуровнев, как парковка (или «Хрустальная шкатулка» Блейка), и замкнут на себя, как «дурная бесконечность»:

Я спал во сне
и в этом сне мне снилось:
я сплю во сне
и вижу сон во сне.

Присутствуют у Ивонина и ангелы, причем в осовремененной, несколько сниженной, опять-таки иронической трактовке:

Когда душа мое оставит тело,
и ангелы завоют оголтело
над бренной, бедной сущностью моей

Мотив тотального сна звучит и у Людмилы Кубаловой, на ее образы вполне можно медитировать:

Жизнь как сон. Смерть – во сне.
Солнце – рыбка в полынье:
не поймать, как мысль во сне, –
в глубину уйдет.

У Аэлиты Кулешовой тема сна раскрыта несколько иначе: возвышенная, архаизированная до штампованности лексика – «нездешней красотой манила», «прекрасный лик», «длань реки» и даже (совсем уж из осьмнадцатого столетья) «сладки муки» – контрастирует с нарочито ироничным предфиналом («какая чушь присниться может!»). А финал стихотворения с говорящим названием «Мистика» своей неожиданностью заставляет читателя пересмотреть иерархию миров, соотношение мыслимого и немыслимого, давая простейшее доказательство того, что сон – это «объективная реальность, данная нам в ощущении»:

Глаза открылись: «Святый Боже! –
Он встал, налил стакан воды, -
Какая чушь присниться может!»
И вдруг увидел: из прихожей
тянулись мокрые следы.

Стихи Валерии Исмиевой поражают темными смыслами, также являющими многоуровневость, но уже лабиринтного толка, где лирический субъект (своего рода «ариадна-тезей-минотавр») блуждает, увлекая читателя в парадоксальные и неожиданные зияющие инверсии, перверсии и оксюмороны, приправленные в данной подборке опасной и пряной эстетикой Востока:

Я была его мальчиком, длинноволосым, лунным.
Целовал, что времени перебирал струны,
Говорил: «Я праща звезды». И тьма огня отвечала:
«Так испей меня до конца – к началу».

Стихотворение это названо «Ганлин», в нем можно проследить черты тибетского обряда «чод» (отсечение привязанностей); название второго, «Бхайрави» (в переводе с санскрита «Грозная», «Ужасная») – имя одной из тантрических богинь, являющейся разрушительным проявлением Божественной Матери. Как будет видно далее, тема Богини-Матери в разных изводах звучит и в стихах Владимира Козлова, и у Сергея Криницына… Но у Исмиевой оба стиховторения, в сущности, о любви – странной, всепоглощающей, смертоносной, рождающей миры:

Распустив костры на кипящих гривах
Выше горных скул – киноварь в тетивах.
А взрывались мы в сна глухих чащобах –
Проявлялся мир, в нас исчезнуть чтобы…

Алексей Караковский как бы возрождает на новом уровне поэзию миннезингеров и скальдов, он – Поэт Поющий. И интересуют его, как всякого порядочного мистика, разумеется, последние темы – жизнь, смерть, апокалипсис… По его текстам выходит, боги – бессильны, «герои по праву не спаслись», а жизнь, несмотря на то, что «мучительно хрупка», раз за разом делает «полный оборот», и все начинается сначала, мгновение, увиденное и запечатленное поэтом, проигрывается снова и снова…

Мистический набор был бы неполон без кладбищенской эстетики, экзотики и эзотерики. Для Умут Кемельбековой пространство Загробья представлено не просто могильным холмиком, но гораздо более

странным и страшным образным рядом, намекающим на посмертное бытие, но бытие это представляется нам, живым, каким-то бесприютным, обездоленным:

В Городе синем
Башни без окон.
Колокол желтый –
Брошенный кокон…

Образ Могилы, кладбищенской жадной земли присутствует и у Надежды Антоновой. В её стихотворении «Кладбищенские истории» живые стремятся к единению с потусторонним миром, с тем самым «брошенным коконом»:

Кладбищенские ирисы – сиреневое кружево –
Прижились на его могиле в первый же год.
Она плакала, умывалась, красилась,
И мы ехали обнять землю.
И уйти в нее накрашенным лицом.

Связывает миры и времена, предков и потомков «Свечное дерево» из авторской мифологии Ингрид Кирштайн:

Свечное дерево. Терпеньем нетерпенья
цветут огни.
Надежды горькие, разорванные звенья
соедини.

У нее, как и у Караковского, присутствует образ всадника, но он не из той Четверки, это «угрюмый всадник яви», он одинок, он взыскует того, «чего и вправду нет» («Пророчество»). Двоемирие, столкновение несовместного – один из ярких мистических мотивов мировой поэзии.

Но не только земная персть может стать порталом Потустороннего: у Александра Гутова павшие воины взяты пассажирами на «Странный корабль», идущий через воды посмертия. (Стикс? Mare Tenebrarum?) Нет, не будем искать параллели с «Пьяным кораблем» Рембо – здесь иное. Это призрачное судно движется где-то совсем рядом с нами. Не потому ли от первой строчки («Может быть, он проплывает мимо») читателю становится так отчетливо не по себе? А о том, кто такой Капитан, даже подумать боязно:

Восседая где-то в тайной рубке,
только капитан, привыкший к трубке,
знает курс туда, где люди хрупки,
и не отдыхает от трудов.

Эсфирь Коблер поклоняется «Великому Ничто», к коему ведет «Великая дорога», «Вечный путь». В ее пантеизме боги занимают отнюдь не ведущее место, земля и море, древний «язык деревьев и камней» – главней.

Практически каждый из поэтов, представленных здесь, творит свою легенду. Так, можно предположить, что Владимир Козлов в лукавой историйке о «золотистой», «пречистой» Марине, «распарившейся в сауне» и искупавшейся после этого в декабрьском озере (в результате чего «озеро стало до дна золотистое, и рыбы поплыли из чистого золота», а вода его приобрела ценимые финнами целебные свойства) переосмысливает, обытовляет миф из «Калевалы» о созидательнице неба и земли богине Ильматар.

Неомифологические тенденции вкупе с иронической их подсветкой прослеживаются и у Бориса Колымагина, чей герой обитает в «третьем вавилоне» («я в третьем вавилоне поселился/ пока вполне/ пока не удавился») и припоминает «в час рассвета» Упанишады и «светоносное тело», «крест и небытие» и «раскалывающийся собор»...

Юрий Краснощёков, в отличие от Козлова и Колымагина, не природняет миф к обыденности, но, напротив, в обыденности (хронотоп предельно, иронически точен: действие разворачивается в поезде «Таганрог–Москва» и датируется летом 2022 года) находит и пестует ростки легенды: попутчики, Король и Паж, ведут задушевную (в душе лирического героя происходящую) философическую беседу о смысле творчества.

Образ Богини-Матери по-новому раскрывается у Сергея Криницына:

У той, чьи груди снова полны молоком,
Бьется под сердцем часть твоего пути.
Только музыка скажет, куда нам дальше идти...
(«Видишь свою судьбу — и она твоя...»)

Герой целует ладони Матери-Земли, он растворяется в образах-инвариантах: город, огонь, облака… «Траектория волшебства» пролегает через все миры. Но, как и у Колымагина, Ивонина, Кулешовой, у Криницына остается место для иронии (приведем эту, балансирующую на грани трагифарса, миниатюру целиком):

лишь после этого я обратил внимание
на свой подозрительно маленький череп
одиноко валявшийся на берегу

Борис Кутенков в большом стихотворении (медитации? ламентации?) «Библейская ферзь открывалась для слов…» обмолачивает снопы метафор, являя зерна неожиданных смыслов, задаваясь экзистенциальными вопросами и вновь открывая (себе и читателю) извечную истину, что бытие к смерти, в сущности, может трактоваться как прорыв к Иному, Неназываемому:

Не все открывается речи на темном весу,
есть место в аду для любви,
и красная кнопка – укромная клюква в лесу:
не рви ее, Боже, не рви.

Александра Ластоверова тяготеет к притчевости, образы-символы – дерево, птица, черви нужны ей для подсветки извечной истории о претворении Слова в плоть Мира:

Так обвейтесь же вокруг меня, корни,
Прорасти сквозь меня, ствол,
Проткните мою живую плоть, ветви –
И да родится мир.

У Татьяны Михайловской «Душа – это вещая птица, бездушное тело – проклятье». Ее героиня также ищет последние ответы, мучительно восходя к «тайне существованья» («Безответное»). А в визионерских миниатюрах «Оба неба светлы…» и «Небо из стекла…» (есть соблазн назвать этот своеобразный диптих, по примеру Иннокентия Анненского, «складнем»), прозрачная лаконичность и минималистическая образность оставляют простор для читательского «достраивания» смыслов, со-переживания и со-чувствия, для взыскания мира горнего, который кажется столь близким, он лишь самую малость отличается от привычного нам.

Марианна Некрасова пишет о Смерти, персонифицируя ее, «внедряя» в современность («она в джинсах была и косухе»), но при этом, как и в стихотворении Кулешовой «Мистика», в предфинале происходит обман читательских ожиданий, прорыв… в обыденность: эта «Смерть» оказывается всего лишь карнавальной маской, загримированной девчонкой – с тем, чтобы в финале текст снова сделал сальто-мортале в сторону memento mori:

Чудо-лестница вверх уносила
Из метро эту странную гостью.
Что она в этом мире забыла?
Что оставила там, на погосте?

Людмила Осокина представлена в сборнике небольшим по объему, но весьма весомым по значимости циклом «Черная кошка». Мистическое существо предстает, «словно в туманном изнеженном сне». «Черная-черная кошка / С золотыми ночными глазами» «бестелесна и хрустальна», она «растворяется в прохладной пыли», «уходит по лунной дорожке», «любуется звездными лампами». Сама «таинственная богиня ночи / Склонялась перед ней ниц». На небольшом стихотворном пространстве поэтесса создает мифологию, заставляющую вспомнить и Кота-Баюна, и Бастет, и фантастических кошек Бодлера, но вместе с тем её стилистика удивительно современна. Иронии как таковой мы здесь не увидим, но важен мотив ухода: сверхъестественное таинственное существо покидает наш прозаический мир:

Вот и не найти тебя нигде,
Ты, как все виденья, нереальна…
Ты, уходящая к звезде, –
Тайна…

Мария Попова в философских, насыщенных живописной образностью стихах проводит своеобразный сеанс «ретропсихоанализа», пытаясь выявить истоки творческого «я» в детских полувоспоминаниях о, своего рода, «доисторической эпохе личности», «когда ничего не откладывается на завтра / потому что завтра нет, а есть только здесь и сейчас» («на задворках

поэзии…»). Ее героиня в процессе анамнесиса пристально вглядывается в мир, где хруст снежинки, «раздавленной звонко», соседствует с ликом Спасителя, в мир, созданный природой и искусством на равных, где «жизнь камня, сон, любовь и плеск воды» образуют неразрывное единство («Ван Гог и Ренуар создали этот мир…»), а назначение человека – найти ответы на последние вопросы бытия:

Среди загадок мы бредем по лабиринтам,
Внутри пещер рисуя на стенах
Ответы на вопросы, что мы слышим.
Зачем? Мы знаем, что такое страх

Ирину Репину тоже интересует минувшее, но скорее в плане фило-, а не онтогенеза. Во всеоружии современного знания вкупе с мистическими предчувствиями и озарениями, поэтесса то наблюдает рождение вселенной из духа музыки («Vita brevis, sed musica aeterna»), то погружается во времена, когда христианство еще только-только выкристаллизовывалось из античности («в четвертую стражу ночи…»), то контаминирует древний Вавилон с современной (вневременной?) Северной Пальмирой («Вавилонские боги» заставляют вспомнить «инфра-Петербург» Д. Андреева):

Ничего не стряслось в междуречии Тигра с Евфратом.
Вавилонские звери на лапах лежат у дверей.
И копыта взметнулись на площадь Сената,
И стучат именами забытых царей.

Елена Семёнова «узнает жизнь, принимает и приветствует» во всех, мельчайших и, казалось бы, незначительных (на взгляд профана) проявлениях. Ее поэтическая вселенная наполнена разнонаправленными деталями, из мозаики которых лирик-демиург незаметно воздвигает величественный храм мироздания, показанный читателю, однако, не без иронии – мягкой, но приправленной толикой абсурда и искрящейся неожиданными неологизмами. В стихотворении «Тыльная сторона, Великое Под…» глагол «грозовать» незаметно и естественно встраивается в цепочку повседневных действий:

Кто мы? Чем нам располагать? Всем нам располагать!
Так же, как всё вокруг располагает нами.

Можно спать, летать, смеяться и грозовать,
Но главное – с легкостью вещи все называть
Острыми, как лоза, звучными именами.

Ирина Семёнова (известная в литературных кругах как Феня Веникова) живет в хрупком, ненадежном, но прекрасном мире, где она то ведет диалог с неназванным собеседником (в котором читатель может угадать Бога) (стихотворение «ты где-то там стоишь за дверью...»), то обыденно, через повседневные детали, передает ощущение присутствия в опустевшей квартире духа умершей матери («В маминой квартире так спокойно...»), то пытается если не разобраться в своих внутренних переживаниях, то хотя бы спроецировать их на внешний мир, отдавшись Потоку:

В моем сердце ноет мелодия несовершенная странная
Тупая боль
Я отпустила весла и река несет меня
И только Бог
Знает куда

(«В моем сердце ноет мелодия несовершенная странная»)

Марина Соловьева, словно бы примеряя маски, выстраивая с ними взаимоотношения, раскрывает (или скрывает?) разные грани своего поэтического «я». В «Ужине с Фаустом», действие которого разворачивается в неназванном иномирье, она, очевидно, выступает от имени Маргариты, но перед читателем не нежная Гретхен, а умудренная собственной смертью женщина, бесстрастно констатирующая: «Я была молода и любима, / А сегодня меня уже нет». Мотив преходящести привычного, утраты и подмены красоты, молодости и самой жизни звучит в загадочном тексте с композицией-перевертышем «Когда выходит девушка из моря...». В то время как в зарисовке «Морской царь», написанной от мужского лица, актуализируется некая универсальная то ли песня, то ли легенда Балтики. В названии, конечно же мерцает отзвук баллады Гёте–Жуковского, но трагизм уступает место (несколько усталому) романтизму.

Мотив оборотничества, мрачного «перевертыша», претворенный в современные реалии, звучит с не-

обыкновенной, завораживающей мощью у Эдуарда Струкова. История, рассказанная им в стихотворении «Демон пустых деревень», начинается вполне обыденно, как этакое нашенское роуд-муви – «По земле российской древней долго рулишь через дождь...», но обыкновенная (хотя и заброшенная) деревня постепенно, исподволь начинает трансмутацию, превращаясь в зловещее заколдованное место, средоточие хтони, где герой засыпает человеком, а просыпается «нежитью злой»:

Станешь, мрачной силой послан,
не отбрасывая тень,
выть тоскливо на погостах мертвых русских деревень,
страшен,
никому не нужен...

...Утро.
Петушиный крик.
И таращится из лужи на тебя седой старик.

Юрий Тубольцев в россыпи миниатюрных стихотворений в прозе «Зеркалиада» пытается воссоздать философско-абсурдистские «законы зазеркалья», например, такой: «За переотражениями нет первоотражения, ибо в зазазеркалье нет начала и конца...» или: «Каждый раз, смотрясь в зеркало, ты его изменяешь». Поздравим автора: давно пора было создать свод текстов с таким названием, ведь зеркало – один из немногих предметов, в котором потустороннее и посюстороннее слиты воедино.

Обширная легенда в стихах «Хранители огней» Анны Филатовой заставляет вспомнить сразу и рериховскую агни-йогу – куда ж без нее, и фрэзеровскую «Золотую ветвь», и поэтику символистов, и друидов с эльфами:

Нить тихонько свивая под кроной таинственных древ,
Я вплетаю в шуршанье листвы прядь волнистых волос,
Чтоб однажды на склоне времен вновь уснуть, замерев,
Чтоб дыханье мое до конца в песню леса влилось.

Helen (Елена Твердислова) в цикле «Уход не равнозначен расставанью», посвященном раздумьям о жизни, смерти и посмертии, пишет свою картину мира широкими, почти небрежными мазками, очерчива-

ющими привычные романтические реалии: здесь и Храм на грани сна и яви, и крылья, снятые за ненадобностью, и стрелки остановившихся часов (в одном из текстов – интересное метафорическое переосмысление образа-эмблемы: «часов песочных бой»)... Границы реальности и сна, личности и пейзажа традиционно размыты, героиня-сновидица вспоминает: «На луне я кошкой ночевала...» (какая интересная и явно не намеренная перекличка с текстами Л. Осокиной!). Ее «эго» объемлет мир (миры!):

Ощупью, споткнувшись о планету, я бреду как будто наугад,
Мимо проплывают чьи-то беды – их рукой достать...

Иван Чудасов затрагивает еще одну традиционную мистическую тему – кладбищенские истории. В романтической анаграмме «Памятник» герой размышляет о «жизни фильме», гуляя по «аллее из надгробий и крестов» и в финале прогулки видит на памятнике собственное имя (полупрозрачная отсылка к *Ulalume* Э. А. По). Второе стихотворение («Что-то мне постель моя узка...») трактует ту же тему в сниженном, практически комическом ключе, отсылающем еще к одному, на сей раз прозаическому, тексту Эдгара Аллана, «Заживо погребенный»:

Не пойму я: где я, что со мной.
В жутком страхе щупаю пространство.
Всюду доски. Давит. Боже мой!
Что за шутки?! Что за хулиганство?!

Отпирайте! Нечего пугать!
Я взываю в крике, в плаче, в стоне.
Долго ли еще так, вашу мать!
Нет!!!
О ужас!
Я живым схоронен.

Ирина Чуднова в стихотворении «что он знает...» повествует о странствиях души в посмертном междумирье («бардо» в традиции тибетского буддизма), переосмысливая и хтонические образы славянской мифологии. «Оставившего тело у входа» должны провести «за глухую смердящую реку», в то время как в (условном) мире живых

мать деревянной рукой домовину
держала
не отпускала

и кутья на печи
подгорала шкворчала

жена овдовело
сиротку на лыках качала
дня и ночи не различала

Текст «Паньгу» с формальной точки зрения рассказывает о первопредке человечества в древнекитайской мифологии, но трактовка его может быть гораздо шире: он о месте и предназначении человека в мире, о гармонии и взаимоотражении природы и личности:

тот кому назначено смотреть
на то как искры прожигают память
колец древесных

воплощает твердь
становится
ее глазами

Сергей Ясь пишет забавную своей трагической серьезностью и примечательную открытой концовкой стилизацию одновременно на «Лесного царя» и на темы детских страшилок про «черного человека», стоящего за шторой, которого видит только девочка и не может увидеть ее прозаически настроенная мама:

На штору не взглянув и от души зевнувши,
Уходит мама, маму клонит в сон.
Смотрю сквозь щель, почти что равнодушно.
И вижу: улыбается мне он.

Всю книгу прослаивают яркие (и в прямом, и в переносном смысле) «слопы» Валерия Галечьяна (сокращение от «словопостроения», так именует свои графико-поэтические произведения автор). Описывать словами визуальное воплощение философских, мистических и прочих сентенций практически невозможно. Шрифтовые композиции «работают» сразу на нескольких уровнях, заставляя реципиента мобилизовать весь свой интеллектуальный и чувственный опыт, вводя в ступор сознание (пытающееся прочесть ветвистые шифрограммы) – и одновременно воздействуя на подсознание соче-

танием цветовых пятен и линий. Приведем здесь лишь несколько названий: «Гнозис: исступление, вторжение ума» (красный с градиентной растяжкою фон, лиловые и желтые прекрасно-нечитаемые буквы), «Владыка перекрестков вуду: *эшу рэй*» (черный круг, пронизанный алыми стрелками-трезубцами, так и заманивающий в свою таинственную сердцевину). «Шаман: кто опускается на дно морское» (Фиолетовый квадрат с градиентной растяжкой от центра к периферии, с концентрическими желтыми рамками внутри, стягивающими взгляд к подобию желтого же глаза на белом фоне, сияющего (зияющего!) в перекрестье шрифтовых линий...). Короче говоря, словами это невыразимо. Это надо видеть!

Пишущая эти строки тоже внесла свою лепту в восприятие, а точнее, «восчувствование» иных миров, соседствующих с нашим. Как и у Ирины Семёновой, в ее подборке есть история о квартире, которую не хочет покинуть дух недавно умершей матери, но трактуется тема иначе. Лирическая героиня не ограничивается наблюдением-констатацией, а напрямую обращается к потусторонней сущности, вступая с ней в разговор:

– Мама, мама, ты же умерла!
Ты теперь на свободе!
Ну, лети, наконец, лети!..

– Мама, смотри, ты же в раю:
вот все кошки твои, мурлычат,
вот Лемешев, улыбается,
вот Травиата к Альфреду бежит по траве –
лазоревой, бирюзовой, радужной, радостной!.. –

Настоящая антология дает представление о спектре воззрений на мистику современных поэтов, об основных ее мотивах и образной структуре. Она будет интересна как исследователям-литературоведам, студентам и аспирантам, так и «непрофессиональным» читателям, задающимся вопросом: существует ли мистика в наше время? Ответ оптиМистичен.

Татьяна Виноградова,
кандидат филологических наук

ОБ АВТОРАХ

МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВ
Поэт, историк, культуролог, преподаватель медитации. Родился в 1972 г. В 1998 г. окончил истфак УРАО, а в 2007 аспирантуру Российского института культурологии.Автор статей и монографии по истории Руси и Монгольской империи.Член Московского союза литераторов с 2002 г. Автор, участник, составитель нескольких персональных и коллективных литературных сборников. Мистическая тема присутствует в литературном творчестве изначально. Автор аудиокурсов по буддийской и даосской философии. Автор серии книг по мифической космографии. Буддист. Главная художественная книга – «Мистерия о Геракле» (М. 2014).

НАДЕЖДА АНТОНОВА
Поэт, прозаик, родилась в 1979 г. в Барнауле, окончила Лингвистический институт на базе АлтГПУ и Академию труда и социальных отношений. В 2005 г. переехала в Москву. Работала преподавателем, секретарем, администратором, специалистом по подбору персонала. Училась в школе литературного мастерства «Хороший текст» и в литературных мастерских *Creative Writing School*. Член Московского союза литераторов с 2018 г. Автор сборника прозы и поэзии «Сновница» (Барнаул: ПРИНТ22, 2019), романа «От отца» (М., «Эксмо», 2022). В 2022 г. приняла участие в проекте АСПИ «Литературные резиденции». В 2023 г. сборник рассказов «Взаперти» опубликован в журнале «Знамя».

НИКОЛАЙ АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Родился в Харькове в 1946 г. С детства живет в Москве. Образование высшее техническое, окончил МЭИ. Проявлял интерес к гуманитарным занятиям. Занимался мифологией, философией, основами религий. Участвовал в художественном творческом

объединении, были коллективные выставки. Стихи начал писать в зрелом возрасте. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Артикль» (Израиль), в альманахах «Истоки» и «45-я параллель», а также на литпорталах «Формаслов», «Полутона», «Гвидеон», «Сетевая словесность», «Дегуста» и др. Вышли три книги стихов и одна книга поэтических переводов. Лонг-листер пяти литературных конкурсов и премий. Состоит в Союзе Писателей XXI века. Член Московского союза литераторов с 2018 г.

ИЗАБЕЛЛА ВЕРБОВА

Поэт, член Московского союза литераторов с 1982 г. Родилась в Москве. Окончила Московский государственный институт культуры по специальности дирижер хора. Кандидат философских наук. Автор двух поэтических сборников: «Розовый март» и «Вокзал», трех книг прозы: «Смотрю на мир со сцены театральной», «Все хорошо, что хорошо кончается», «Только деньги. Ничего личного». Автор либретто оперы «Верность» (композитор А. Чайковский, поставлена в 1985 г. в Музыкальном театре г. Нальчика), а также ряда киносценариев, детских мюзиклов, теле- и радиопрограмм. С 1975 по 1993 гг. работала и публиковалась в газетах «Известия», «Вечерняя Москва», «Культура», «Советская Россия». Вела рубрику «Семейные отношения» в журнале «Семейная психология». На ее стихи написано более 80 песен. На фирме «Мелодия» вышел виниловый диск песен на стихи Изабеллы Вербовой и музыку Виктора Комашева.

ТАТЬЯНА ВИНОГРАДОВА

Поэт, эссеист, художник-график, литературовед, критик, переводчик, редактор, книжный дизайнер. Родилась в Москве. Окончила редакционно-издательское отделение факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (1990) и аспирантуру филологического факультета МГУ (1997). Кандидат филологических наук, специалист по русской рок-поэзии. Член

Московского союза литераторов (2017), Союза писателей Москвы (2002), Творческого Союза художников России (1996). Автор девяти поэтических книг и двух альбомов графики. Переводила поэзию Джима Моррисона, Ханны Винер, Дэвида Вонсбро и др. Стихи, графика, статьи и переводы публиковались в журналах «Арион», «Кольцо “А”», «Юность», «Журнал ПОэтов», «Дети РА» «Плавучий мост», «Артикуляция», «Тонкая СредА», «Four Centuries. Russian Poetry in Translation» (Германия), «Inspirational» (Великобритания), в «Литературной газете», «НГ-Ex Libris» и др. С 1997 г. участница ежегодного фестиваля русского верлибра. Лауреат конкурса «Tivoli Europe Giovani» (Рим, 1997), лауреат журнала «Дети Ра» (2011), дипломант интернет-марафона «Сокровенные свирели "45-й параллели"» (2014), победитель I и II Фестивалей литературного эксперимента (Москва, 2019, 2020), финалист премии «Московский наблюдатель» в номинации «Точка обзора» (Москва, 2022). Стихи переведены на английский, армянский, болгарский, итальянский, непальский, японский и др. языки. Живет на два города: в Москве и (с 2022 г.) в Светлогорске (Калининградская обл.).

АЛЕКСЕЙ ВОРОНИН

Поэт, рок-музыкант. Родился в Ярославле 31 марта 1964 г. С 1981 г. живет в Москве. Член Московского союза литераторов с 2007 г. В 1987 г. окончил Московское Высшее Техническое Училище им. Н.Э. Баумана (ныне – МГТУ). С весны 1999 года выступал как уличный музыкант в Москве, Нижнем Новгороде, Петербурге. Было и несколько сольных выступлений, в том числе, на радио и телевидении. В августе 2000 г. журнал «Дружба народов» опубликовал повесть «Республика Арбат. Из Дневника Аристарха, программиста и уличного музыканта».Осенью 1998 г. стал лауреатом фестиваля авторской песни бард-кафе «Гнездо Глухаря». Записано четыре альбома – «Инкогнито» (1994), «Лежала за Землею Земля…» (1995), «Зимний романс» (1996) и «В маленьком раю» (2001).

ВАЛЕРИЙ ГАЛЕЧЬЯН

Поэт, прозаик, драматург, график. Окончил Ленинградский Инженерно-экономический институт им. П. Тольятти и очную аспирантуру. Кандидат экономических наук. Литературной деятельностью занимается с 1970 г. Член Московского союза литераторов с 2013 г. Автор пятнадцати книг стихов, трех романов и двух повестей (в соавт. с В. Ольшанецким), сборника пьес, методического пособия «Визуальная поэзия» и двадцати трех альбомов графики, ряда публикаций в коллективных сборниках и периодике. В 1995–2022 гг. на персональных и коллективных выставках представил более 600 произведений, выполненных в традиционной и компьютерной графике. Стихи переведены на английский, армянский, французский, непальский, осетинский и др. языки Живет в Москве.

НАТАЛЬЯ ГРЕБНЕВА

Родилась и живет в Москве. Окончила Московский государственный заочный педагогический институт. Преподавала физику в московской школе. Член Российского Авторского Общества, член Московского союза литераторов с 2007 г. Автор трех книг: «Монолог женского сердца», «Шкатулка памяти» и «Зеркало судьбы». Принимала участие в коллективных сборниках, в работе творческих фестивалей и конкурсов. Давно сотрудничает с музыкантами. Песня «Где ты?», написанная на её стихотворение (1996 г.), много лет входит в репертуар народного артиста России Александра Малинина. Песня «Русь», текст которой создан в соавторстве с Николаем Емелиным, заняла достойное место в музыкальном сборнике «50 лучших хитов о России» (2010 г.)

АЛЕКСАНДР ГУТОВ

Поэт, прозаик, филолог. Окончил МГПИ им. В.И. Ленина. Заслуженный учитель РФ, победитель конкурса «Учитель года» (1992, 2001), лауреат премии мэрии Москвы в области образования, Московского

правительства и Правительства РФ, победитель конкурса «Лучшие учителя РФ». Член Московского союза литераторов с 2003 г. Стихи опубликованы в журналах «Нева», «Дружба народов», «Юность», «День и ночь», «Московский вестник», «Арион», «Сибирские огни», «Кольцо "А"», «Волжский стрежень», «Перископ», в «Литературной газете». Повесть «Леха, Геша, Иванов» опубликована в журнале «Юность», романы «Лабиринт» и «Тени Эзеля» – в альманахе «Подвиг».

ЛАРИСА ЗУБАКОВА

Поэт, журналист, публицист, переводчик. Член Московского союза литераторов с 2018 г. Автор девяти книг, в том числе сборника стихов на польском языке в переводе Малгожаты Мархлевской. Участвовала в двух коллективных сборниках («Антология поэзии – 2021» и «Kamen» в переводе на чешский язык Иваны Благоевой). Регулярно публикуется в художественных журналах и литературных альманахах. Участница и дипломант международных литературных фестивалей в Чехии (Прага), Финляндии (Хельсинки), Белоруссии (Полоцк), России (Рязань, Ялта).

АНДРЕЙ ИВОНИН

Родился в Москве 16 июня 1959 г. Живёт в Москве. Работает в московском театре «Эрмитаж» заведующим художественно-постановочной частью. Член Союза театральных деятелей РФ. Почетный работник культуры г. Москвы. Является членом Союза писателей XXI века, членом Московского союза литераторов с 2018 г. Публикации в литературных журналах и альманахах: «Эрфольг», «Новая литература», «Зарубежные задворки», «Южное Сияние», «Поэтоград», «Зинзивер», «Новые Витражи», «Русский Глобус» и др. Лауреат Большой Международной литературной премии «Серебряный стрелец» (2011 г.), Национальной литературной премии «Поэт года» (2016), VII Международной поэтической премии «Образ» (2019). Автор сборников стихотворений «Слово» (2008), «Начало» (2015), «Повторенье пройденного» (2018), «Говори со мной» (2019), «Только стихи» (2021).

ВАЛЕРИЯ ИСМИЕВА

Поэт, критик, автор поэтических переводов с немецкого и английского языков. Родилась и живет в Москве. Член Московского союза литераторов с 2017 г. Член Союза писателей Москвы. Выпускница МГУ им. М.В. Ломоносова 2000 г. (исторический факультет, отделение истории искусства, специальность «историк искусства, искусствовед»). Окончила аспирантуру ИФРАН (сектор философской антропологии, специальность «философская антропология, история религий и культурология»). Кандидат философских наук, доцент кафедры международных отношений и геополитики в Университете Мировых цивилизаций, искусствовед, написала около двух тысяч статей об архитектуре и дизайне в журналах *Domus*, «Интерьер&Дизайн» и др., на интернет-порталах. Стихи и критика публиковались в журналах «Урал», «Знамя», «Дети Ра», «Среда», «Литературные знакомства» и др., в сборниках поэзии, прозы и критики, на интернет-порталах; неоднократно входила в жюри поэтических конкурсов. Автор трех поэтических сборников.

АЛЕКСЕЙ КАРАКОВСКИЙ

Родился в Москве в 1978 г., учился сначала на историка, потом на психолога.В 2000 г. окончил факультет педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ) и аспирантуру того же вуза по специальности «педагогика высшей школы» В 2015–2018 гг. жил в Самаре, с 2022 г. живет в подмосковном гор. Щелково. Создатель, а в 2000–2005 гг. – главный редактор литературного портала «Точка зрения». Гитарист, мандолинист, вокалист, автор песен. Лидер рок-группы «Происшествие»; также участник музыкальных проектов «Ложные показания», «Сад Мандельштама», «Кюрасао» и др. Записал два десятка музыкальных альбомов – в основном, на историко-географическую тематику. В 2020 г. издал большими тиражами свои наиболее известные работы в музыкальном издательстве «Отделение

ВЫХОД». Исполняет свои песни по-русски, по-английски и по-немецки; некоторые тексты переведены также на польский, французский, испанский, казахский языки и иврит. Автор десятка книг (проза, поэзия, нон-фикшн), ряда публикаций в литературных журналах («Крещатик», «День и ночь», «Октябрь», «Смена», «Вопросы литературы» и др.) и арт-самиздате («Контрабанда», «Пантеон андеграунда» и др.). Член Союза писателей Москвы (с 2007 г.), Московского союза литераторов (с 2019 г.). Известен переводами на русский язык поэтов-битников, европейских поэтов Второй мировой войны, а также множества известных народных и рок-песен.

УМУТ КЕМЕЛЬБЕКОВА

Прозаик, поэт, член Московского союза литераторов с 2017 г. Окончила философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат социологических наук. Соучредитель и бессменный президент Фонда содействия развитию науки, культуры и образования «Новое тысячелетие», президент Клуба любителей фантастики «Остров Беляева». Первая книга стихов и притч «Шелковый путь» вышла в 1992 г. Переведена на английский, итальянский и нидерландский языки. Автор восьми книг фантастических рассказов и повестей, в т. ч. «Дневник контактера» (в соавторстве с Я.В. Сиверц ван Рейзема).

ИНГРИД КИРШТАЙН

Ингрид Кирштайн – поэтесса, переводчик. Родилась и живет в Подмосковье. С 2018 г. член Московского союза литераторов. Закончила Московский физико-технический институт. Первая книга стихов «Параллель Ль?» вышла в 1999 г. В 2005 вступила в Союз литераторов России, где в 2014 г. в серии «Визитная карточка литератора» вышла книга стихов «Безответности», а в 2015 г. в той же серии вышел сборник стихов и переводов «Иволгиада». Публиковалась в журналах «Гвидеон» и «Тонкая СредА», в альманахе «Словесность», в газете «Литературные известия», а также в «Антологии Интегрального стиха» (сост., ред. А.В. Бубнов, 2022).

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Владимир Козлов родился 29 мая 1962 г. в гор. Кинеле Куйбышевской области. В 1969 г. семья переехала в Исилькуль – маленький городок на юго-западе Омской области. Работал корректором в районной газете «Знамя». Служил под Новосибирском в войсках противовоздушной обороны. В 1987 г. окончил филологический факультет Омского государственного педагогического института им. А. М. Горького, работал учителем русского языка и литературы. С 1980 г. в периодических изданиях публиковал стихи и заметки. В 1990 г. в исилькульском районном Доме культуры руководил поэтическим клубом «Факел». В 1996 г. окончил сценарный факультет Всероссийского государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова и переехал в Москву. Член Московского союза литераторов с 1997 г. Автор семи исторических повестей, опубликованных в журнале «Воин России», и книги стихов и прозы «Избранное».

БОРИС КОЛЫМАГИН

Поэт, прозаик, критик. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Кандидат филологических наук. Первая публикация – в самиздатском альманахе «Список действующих лиц» (1982). Автор трех поэтических книг: «Прогулки» (2004), «Земля осени» (2012), «За поворотом» (2019). Член Академии Зауми. Лауреат международной премии «Отметина имени отца русского футуризма Давида Бурлюка» (2022). Член Московского союза литераторов с 1995 г.

ЭСФИРЬ КОБЛЕР

Прозаик, критик, эссеист, член Московского союза литераторов с 2007 г. Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор эссе «Истоки европеизма» (2007, 2009), книг прозы: «Время разбрасывать камни» (1999), «Плоть времени» (2009), «Истоки европеизма» (2009), «Путь к дому Отца моего» (2015), книги стихов «Дыхание Вечного Пути. Подражание Дао»

(2020). Создатель и руководитель интернет-проекта «Россия – далее везде». Печаталась в журналах: «Истина и жизнь», «Вектор творчества», «Литературные незнакомцы», «Мост», «Стороны света» (США), «Край городов», «Рефлект» (США), «Арго», альманахах «Лира», «Диалог», «Комментарии», «Меценат и Мир», сетевых журналах «Топос», «Вечерний Гондольер», «Точка зрения». Живет в Москве.

СЕРГЕЙ КРИНИЦЫН

Поэт, художник, целитель. Родился в 1965 г. в Костромской обл., учился в Петрозаводском музыкальном училище (гитара), Минском институте культуры (дирижирование), в 1989–1994 гг. жил в Санкт-Петербурге, посещал ЛИТО В. А. Лейкина. Автор нескольких поэтических сборников, а также книг по телесно-ориентированной терапии («Настройка сознания и тела», 2010) и звукотерапии («Звучащее тело», 2018). Член Московского союза литераторов с 1998 г. С 1995 г. живет в Москве.

ЮРИЙ КРАСНОЩЁКОВ

Родился и живет в Москве. В 1984 г. окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Изданные книги: «Пони» (2000), «Я подарю тебе черемуховый дождь» (2002), «Чаша» (2016), «Большие Дворы» (2018). Член Московского Союза литераторов с 2015 г. Печатался в «Литературной газете», «Московском комсомольце», «Независимой газете», в газетах «Комсомольская правда», «Настоящее», «Алфавит», «Голос Родины», «Неделя», «Звёздный бульвар», журналах «Юный натуралист», «Природа и человек» («Свет»), «Природа и человек, XXI век», «Огонёк» и др. С 2009 г. и до недавнего времени работал алтарником в православном приходе храма Митрофана Воронежского

ЛЮДМИЛА КУБАЛОВА

Поэт, член Московского союза литераторов с 2020 г. Родилась в г. Приозерске (Казахская ССР). Окончила

Смоленский гуманитарный университет. Печаталась в альманахе лито «Облака вдохновения» (2014, 2016), «Большом сборнике Чемпионата поэзии им. В.В.Маяковского» (2016), альманахе лито «Московские окна» (2018, 2019), сб. «Хроники и-*zoom*-ленного времени (Поэзия эпохи самоизоляции)» («LitClub Личный взгляд» 2020), альм. «Тонкая СредА». Лауреат Конкурса одного произведения «Аполлинарий–2019». Дипломант видеоконкурса «Поклонимся великим тем годам!» (Москва, Клуб «Феникс», 2020); соавтор и исполнитель спектакля «Женские стихи не любят», спектакля по стихам Леонида Губанова «Мы идем с тобой низами, друг мой милый Низами» и др. Член жюри московского городского конкурса «Лучший город земли» (2022). Победитель конкурсов общества «Русский Лад»: «Аллегории Москвы» (2022), «Снежная строка» (2022), «Последний рубеж» (2023), «Богатырская сила» (2023). Живёт в Москве.

АЭЛИТА КУЛЕШОВА

Поэт, член Московского союза литераторов с 2002 г. Родилась в Уфе. Окончила Уральский политехнический институт им. С.М. Кирова (1970). Стихи начала писать с 13 лет, а серьёзно увлеклась поэзией в конце 1990-х. С 1984 по 2003 гг. жила в г. Волгодонске (Ростовская обл.). Печаталась в газетах: «Волгодонский край», «Волгодонский вестник», «Волгодонская правда», «Яхад»–«Вместе» (на иврите, г. Ростов-на-Дону). Электронные публикации: «Литсовет», «Избачитальня», «Фабула». Номинации на литературную премию «Наследие» (Москва): 2014, 2015, 2016 гг. Участник поэтических сборников: «Колокола судьбы» (2002), «Любовная лирика. Поэты юга России» (2003), «Волго-Дон продолжается» (2004, Ростов-на-Дону), «Поют любовь нам ангелы-поэты. Стихи о любви» (2007, Москва). «Поэт года» (2013, Москва), сборника МСЛ «Образы притяжения» и др. Является членом Народного Университета г. Сочи, создателем и участником Литературного клуба «Живое слово». С 2001 по 2021 гг. издано 11 авторских поэтических сборников. Проживает в Москве и Сочи.

БОРИС КУТЕНКОВ

Поэт, литературный критик, культуртрегер, обозреватель, редактор отдела науки и культуры «Учительской газеты», соредактор журнала «Формаслов». Родился и живет в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (2011), учился в аспирантуре. Критические статьи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов» и мн. др., а стихи – в «Волге», «Урале», «Интерпоэзии» и мн. др. Колумнист портала «Год литературы». Один из организаторов литературных чтений «Они ушли. Они остались», посвященных рано ушедшим поэтам XX и начала XXI века. Организатор литературно-критического проекта «Полет разборов», посвященного современной поэзии и ежемесячно проходящего на московских площадках. Член Московского союза литераторов с 2023 г.

АЛЕКСАНДРА ЛАСТОВЕРОВА

Родилась в 1989 г. в гор. Шахты (Ростовская область). По образованию педагог и переводчик. Член Московского союза литераторов с 2021 г. До 2012 г. участвовала в литературной жизни родного города, потом переехала в подмосковный город Мытищи и начала выступать на московских музыкально-поэтических мероприятиях. Выпустила два сборника стихов – «НеОтражение» (Ростов-на-Дону, 2011) и «Лес, из которого спички» (Москва, 2015). Автор песен и вокалистка в группе «Санька и Чертики», исполняющей психоделический фолк-рок. Вокалистка и автор некоторых песен в панк-группе «Ложные Показания» и ансамбле «Сад Мандельштама». Приняла участие в записи нескольких песен группы «Происшествие».

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВСКАЯ

Поэт, прозаик, литературный критик. Живет в Москве. Окончила филологический факультет МГУ. Заслуженный работник культуры РФ. Член Московского союза литераторов с 1983 г. Работала

редактором в отделах критики различных журналов («Литературное обозрение», «Октябрь», «Новое литературное обозрение»); в начале 2000-х была главным редактором журнала о книгах «Библио-Глобус». Составитель и редактор многих сборников и альманахов. Приоритет ее профессиональных интересов – независимая литература XX века (самиздат). Организатор и ведущая литературного Георгиевского Клуба (1995–2001), еженедельные собрания которого приобрели международную известность. Автор уникального выставочного проекта «Дом со стихами» (выставки в Государственном музее В.В. Маяковского (2001), в Государственном музее декоративно-прикладного искусства (2006). Составила альманах короткой прозы «PRO/за», семь выпусков которого вышли в составе ежегодника «Меценат и мир». Организовала при Русском Пен-центре «Центр поэтической книги» с обширной библиотекой современной поэзии. На базе этого Центра, начиная с 2012 г., издает ежегодный альманах «Клуб N». Член жюри многих поэтических конкурсов. Лауреат Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка. Издано восемь сборников стихов, книга рассказов «Ерундопель» (2009), роман «Дама у окна» (2017). Публикации в альманахе «Черновик», журналах «Нева», «Стрелец», «Крещатик», «Меценат и мир», «АКТ», «Стороны света», «Черное море», «Кукумбер», «Арион», «Арагаст», газете «Русская мысль» и др. изданиях. Ее стихи переводились на польский (журнал *Metafora*») и сербский (журнал «Паун») языки.

МАРИАННА НЕКРАСОВА

Родилась в 1974 году в Москве, в Трубниковском переулке, в семье художников. В юности, по стечению обстоятельств, оказалась в Японии, где прожила яркий отрезок жизни, насыщенный событиями, людьми и творчеством. В 2001 году вышла первая книга стихов «Сумерки дня». Вторая поэтическая книга вышла в 2018 г. под названием «Все – от любви до слез». С 2005 г. состоит в Московском союзе литераторов. Печаталась

в поэтических сборниках «Литературные страницы» (2007), «Земля и Люди» (2017) и др.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Поэт, прозаик, автор песен. Член Московского союза литераторов с 2006 г. Родилась в Барнауле. После окончания средней школы уехала в Москву. Окончила Московский государственный историко-архивный институт (сейчас РГГУ), факультет архивного дела. Работала корреспондентом и обозревателем в журналах «Клуб», «Юность», книжным редактором в ИИД «Профиздат». Печаталась в изданиях «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Юность», «Сельская молодежь», «Гудок», «Истоки», «Клуб», «Дети Ра», «День поэзии», «Эолова арфа», «НГ-Ex libris», «Зарубежные задворки», «Кольцо "А"», «Zinziver», «Поэтоград», «Литературные известия», «Футурум-Арт», альманах «Истоки». Автор книг стихов «Природы затаенное дыханье» (1996), «Кофейная девушка» (2010), романа «Новая божественная комедия» (2014, лонг-лист премии «Золотой Дельвиг»). За роман «Халупа. Документально-художественный проект из жизни поэта Юрия Влодова» удостоена премии «Нонконформизм–2016» и премии Союза писателей 21 века. Королева поэзии праздников газеты «Московский комсомолец». Лауреат премий журнала «Zinziver», и газеты «Поэтоград», а также журнала «Эрфольг». Зам. гл. редактора альманаха «Истоки», член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века. Живет в Москве.

МАРИЯ ПОПОВА

Поэт, журналист, эссеист. Родилась в Новосибирском Академгородке, живет в Москве. Закончила факультет культурологии Государственной академии славянской культуры и дистанционный курс «Социальная журналистика» (авторство курса – Агентство Социальной Информации и Центр дистанционного обучения МГУ им. М. В. Ломоносова). Магистрант Института гуманитарных наук МГПУ. Стихи публиковались в журна-

лах «Москва» и «Плавучий мост», на литературном интернет-портале «Сетевая словесность» и др. Член Московского союза литераторов с 2017 г. Главный редактор литературно публицистического портала «Плюмбум.пресс». Лонг-листер Международного литературного Волошинского конкурса в номинации «Поэзия» (2018). Неоднократная участница литературных фестивалей. Автор поэтической книги билингвы «На грани» (М: Плюмбум.пресс, 2019, пер. на эстонский язык – Катрин Вяли), занявшей I место на Фестивале Литературного Эксперимента в номинации «Поэтическая книга» (2020). Стихи также переводились на немецкий, английский, фарси.

ИРИНА РЕПИНА

Прозаик, литературный критик, поэт, член Московского союза литераторов с 2013 г. Родилась в гор. Ельце Липецкой обл. Закончила Московский физико-технический институт по специальности океанология. Заведующая лабораторией в Институте физики атмосферы им. А.М. Обухова РАН, доктор физико-математических наук, участница многочисленных морских и полярных экспедиций. Автор пяти поэтических сборников и книги прозы «Беатриче Серебряного века». Печаталась в литературной, публицистической и научной периодике.

ЕЛЕНА СЕМЁНОВА

Поэт, журналист, обозреватель книжного приложения «НГ-Ex libris». Родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи, статьи и эссе публиковались в «Независимой газете», «Литературной газете», газетах «Трибуна», «Литературная Россия», журналах «Юность», «Дети Ра», «Литературный Иерусалим», «Новый Свет», «Крещатик», «Дон», альманахах «День поэзии», «Среда», «Паровозъ», «ЛиФФт», «Другое полушарие», на порталах «Literratura», «Культурная инициатива», «Совлит» и др. Автор поэтических книг «Стихотворения» (1996), «Испытайние»

(2017), «Некрологика» (в соавторстве с Михаилом Квадратовым и Андреем Чемодановым; 2018), книги детских стихов «Камушек, фантик, цветок» (под псевдонимом Лена Листик; 2019). Соредактор-составитель поэтической антологии «Уйти. Остаться. Жить». Дипломант Международных литературных конкурсов «Бежин луг» (2018) и «Детское время» (2021), лауреат Международной отметины имени Давида Бурлюка.

ИРИНА СЕМЁНОВА (ФЕНЯ ВЕНИКОВА)

Родилась в 1960 г. в Свердловске, ныне Екатеринбург. Член Московского союза литераторов с 2019 г. В 1978 г. закончила физико-математическую школу N 9. Окончила актерский факультет ГИТИСа (1981). Работала в издательстве «Гуманитарный Фонд». Во время перестройки работала в Правительстве Москвы. В 2008 г. поступила на филологический факультет МПГУ (бывший имени Ленина) на отделение «методика преподавания иностранных языков и культур». Работала преподавателем немецкого языка. Закончила курсы для преподавателей немецкого языка в *Heinrich-Heine-Universität* в Дюссельдорфе. Принимала участие в семинарах для преподавателей немецкого языка при Гёте-институте. Публикации: «Юность», альманах «День Поэзии», «НЛО» (2001), сборник участников Тартусского поэтического фестиваля (изд. Тартусского Университета 2021 г.), «Образы притяжения» (сборник произведений поэтов Московского союза литераторов, 2023). Живет в Москве.

МАРИНА СОЛОВЬЕВА

Родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Работала в Государственном Литературном музее, Государственном музее В. В. Маяковского, на радиостанции «Радио Россия». С 1990 по 2001 гг. жила в США и Норвегии. Работала в Стэндфордском Университете и Университете им. Дж. Вашингтона (США). В настоящее время живет в Москве. Работает главным библиотекарем в библиотеке № 33 им. Д.А. Фурманова ОКЦ САО

Москвы. Член Московского союза литераторов с 2001 г. Публикуется с 1980 г. Первые публикации в журналах «Наш современник» (стихи), «Юность» («Холодная молодость» – проза). Печаталась в «Литературной газете» журналах: «Молодая гвардия», «Огонек», «Даугава» (Рига), «Вопросы литературы», «Альманах Ъ», «Новый журнал» (Нью-Йорк) «Памятные книжные даты» (Москва), «Новый мир» (Москва), «Человек читающий» (Москва), «Нева» (Санкт-Петербург). В сборниках «Окна в Георгиевский» (Москва). «Стихи и окна» (Иерусалим) (2012) и др.; *Книги:* поэзия – «Откровение мотылька» (1994), «Письма к Одиссею» (1995), Колодец» (2002), «Пленница» (2008), «Русская любовь» (2010), «Любовь к герою» (2011); проза – «Красивые женщины» (1997), изд-во «Букмен»), «Путешествие в мираж» – 2 тома повестей и рассказов (2004, изд-во «Ключ-С»). Автор 4-х любовных романов под псевдонимом Глория Беннетт. (Изд-во «Панорама»), «Заложники тайны» (2022, изд-во «Зебра-Е»).

ЭДУАРД СТРУКОВ

Родился 18 января 1966 г. в пос. Эльбан Хабаровского края. Член Московского союза литераторов с 2023 г. Стихи начал писать еще в школе, мечтал стать музыкантом. Окончил Институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (1986). Получив диплом экономиста, отработал много лет на Дальнем Востоке, объездил всю страну. Сейчас проживает в Твери, работает в Москве, являлся членом Литературного клуба «Личный взгляд», которым до недавнего времени руководила поэт и критик Л. Г. Вязмитинова. Опубликовал несколько книг стихов. Работает в жанре эпического верлибра, предпочитая жесткую нарративную поэзию с ярко выраженным мужским характером главного героя.

ЮРИЙ ТУБОЛЬЦЕВ

Родился и живет в Москве. Член Московского союза литераторов с 2020 г. и Московского Клуба Афористики (с 2021 г.). С 2004 по 2018 гг. жил и ра-

ботал в г. Регенсбурге (Германия). Писатель и философ. Жанр: афоризм и миниатюра. Закончил Государственный университет управления по специальности менеджмент, Высшую школу европейских культур по специальности культурология. В настоящее время учится в МГУ на магистра по специальности философия. Лауреат Второго этапа Третьего международного конкурса «Вся королевская рать» литературного портала «Что хочет автор», лауреат 2-го Интернет-конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни имени Валерия Грушина, лауреат олимпиады «Свежая Строка» (2016—2017) в номинации «Афоризмы». Финалист Международного Фестиваля русской поэзии и культуры в Израиле «Арфа Давида – 2019» (Турнир Прозаиков). Лауреат конкурса авторских афоризмов «Житейские мудрости» (2021 г). Публиковался в изданиях «Крещатик», «Новый крокодил», «Дети Ра» , «День и ночь», «Кукумбер», «Литературный европеец», «МОССАЛИТ», «Русский глобус», «LiteraruS», «Сетевая словестность», «Топос», «Новая литература», «Ликбез», «Клаузура», «Новый континент», «НЕВЕЧЕРНИЙ СВЕТ», «Русский переплет», «Чаян», «Страна Озарение», «Литературная газета», «Огни над Бией», «Русское поле», «Фабрика литературы», «Великорос», «Полутона», «Артикуляция», «Текстура».

HELEN (ЕЛЕНА ТВЕРДИСЛОВА).
Окончила филологический ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук (1984). Работала в ИНИОН АН СССР (1972–1992) в отделе литературоведения за рубежом. Член Московского союза литераторов с 1997 г. Писатель, литературовед, переводчик с польского языка философии, поэзии и прозы (Иоанн Павел II, Р. Ингарден, Ю.Тишнер, А. Валицкий, Т. Оболевич и др.) – всего более 20 книг; автор трех книг стихов и трех книг прозы (о своеобразии творчества Иоанна Павла II, о Чингизе Гусейнове, о фотографичности в поэзии Иосифа Бродского), в том числе, двух романов. Опубликовала более ста статей по про-

блемам истории и теории литературы, культуры, русской философии (о поляке Мареке Хласко, о Фридрихе Горенштейне, Владимире Соловьеве, Марине Цветаевой, Михаиле Пришвине, Иосифе Бродском и др.). Публикации в России, Израиле, Польше, Америке, Турции. Кандидат филологических наук (1984). С 2013 г. живет в Израиле (Цур-Хадасса, Иерусалим).

АННА ФИЛАТОВА (АЛЕАН)
Поэт, музыкант, создатель группы «Вне времени», автор сборника стихотворений и волшебных историй «На пути к рассвету» (2014 г., переиздан в 2021 г.) Окончила Институт Стран Азии и Африки при МГУ (2011), специалист по литературе южной Индии со знанием тамильского языка. Выступает на многих фестивалях с концертами и вечерами волшебных историй. Играет на фортепиано, гитаре, разных видах флейт.

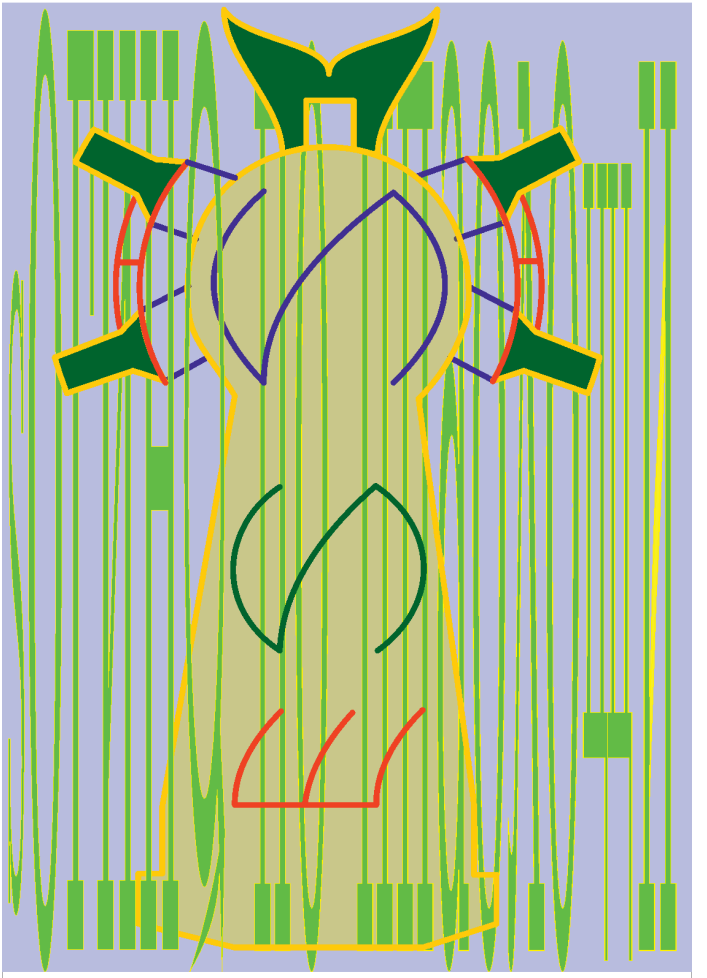
ИВАН ЧУДАСОВ
Родился 27 июля 1981 г. в Астрахани. Кандидат филологических наук. Член Московского Союза литераторов с 2019 г. Редактор-составитель трехтомной антологии астраханской поэзии «Колос(с) слова» (2008-2010), лауреат премии им. В. Хлебникова за первый том. Публиковался в изданиях Астрахани, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Нью-Йорка. С 2005 по 2018 гг. вел рубрику «Белый квадрат» (об экспериментальной поэзии) в журнале «Введенская сторона» (Старая Русса). Соавтор книги «Революция на языке палиндрома: Блок и Маяковский в поэтических трансформациях» (авторы-сост. А. А. Балашова и И. В. Чудасов; [науч. ред. А. А. Россомахин]. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – (AVANT-GARDE, вып. 19).

ИРИНА ЧУДНОВА
Поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Ростове-на-Дону. В 1991 г. поступила на геофак РГУ (ныне ЮФУ). В 1993 г. уехала в Китай, училась в Китайском геологическом университете (Ухань). С 2001 г. живет в Пекине.

Работает в китайском государственном издательстве «Синолингва». Публиковалась в журналах «Байкал», «Интерпоэзия», «Просодия», «Зинзивер», «Южное сияние», «Перископ», в антологиях «Хроники и-zoom-ленного времени», «Антология интегрального стиха» т. д., в многочисленных русскоязычных альманахах, а также в китайских изданиях. Лауреат премий «Левитов фест», «Волошинского фестиваля» 2022 г, «Эмигрантская лира», «Хижицы» 2021 г; премии «Двенадцать» 2019 г, Кубка мира и Чемпионата Балтии по русской поэзии, победитель номинации «Поэт года» китайской международной премии Боао (на китайском языке, 2020). Специальная номинация «Дальние берега» премии «Антоновка 40+», специальная грамота премии «Поэзия со знаком "плюс"» в 2019 и 2020-м гг. Стихи переводились на польский, английский, китайский языки. Многократный специальный гость китайских поэтических фестивалей. Автор книги стихов, готовятся к выходу еще две. Состоит в Южнорусском союзе писателей (Одесса) и в Московском союзе литераторов (с 2020 г).

СЕРГЕЙ ЯСЬ

Поэт, психолог, методолог, преподаватель Академии Астрологии, магистр. Вступил в Московский союз литераторов в 2013 г. Состоял в литературном объединении «Буревестник» (руководитель Пальчиков-Лещинский). Публиковался в литературном журнале «Уровень», в сборнике МСЛ «Образы притяжения», в юбилейном календаре МСЛ. Книги: «Арфика», «Вещь». Автор романа «Пара.docx». Радиопередачи: «Вечера на улице Качалова», «Поэтический автограф» (Радио-1), «Говорят Музы» (Радио «Резонанс») и др. Выступал в Государственном музее В.В. Маяковского, в Доме ученых, в Центральном доме журналиста и др., участвовал в квартирниках с Мариной Кудимовой. Компакт-диски со студийной записью (муз. Одиссея Богусевича) и с песней «Шел я мимо берез» на муз. А. Рыбакова.



богиня по паолоцци:
диана-машина

СОДЕРЖАНИЕ

В. Галечьян
Предисловие 3
В. Исмиева
Поэзия в поисках запредельного опыта 14
Максим Александров
Сны 24
«А в церкви имени Бога...» 25
«Ха-ха-ха-ха-ха...» 25
Надежда Антонова
«Бог страшен...» 26
Кладбищенские истории 26
Едет смерть по чьим-то жизням 27
Николай Архангельский
«Явился ангел...» 28
Изабелла Вербова
Будва 30
Татьяна Виноградова
Осеннее 32
«В темной пустой квартире...» 33
«Искры бледного прозрачного огня...» 33
Алексей Воронин
В утробе 34
Космогоническое 34
«Два цвета разной формы...» 35
Валерий Галечьян
Гнозис 23
Владыка перекрестков вуду 49
Шаман 55
Цветы в пустоте 63
Великое благоденствие души по Конфуцию 65
Хуан Ахну и Шбаланке 89
Безграничное время 95
Время сон 99
Богиня по Паолоцци 133

Наталья Гребнева
«Мне было тяжело с душой своей в разладе...» 36
«Мой Ангел-Хранитель меня бережет...» 36
«Светозарно Успенье...» 37
Александр Гутов
Странный корабль 38
Ваал 39
Лариса Зубакова
Звездопад 40
Из цикла «Моему оппоненту» 41
Андрей Ивонин
Сон во сне 42
«Когда душа мое оставит тело...» 43
Валерия Исмиева
Ганлин 44
Бхайрави 45
Алексей Караковский
Всадники 46
Пожалуйста, не убивай меня 47
Умут Кемельбекова
«Неведомо нам это постоянство...» 48
«Пойдем на край долины...» 48
«В Городе синем...» 48
Ингрид Кирштайн
Свечное дерево 50
Пророчество 50
Эсфирь Коблер
Дыхание Вечного Пути 52
Владимир Козлов
«Распарившись в сауне...» 54
Борис Колымагин
«На краю одиночества...» 56
«я в третьем вавилоне поселился...» 56
«Выйди...» 56
«Благословляющая рука...» 57
«Птица пролетела или тень ее?..» 57
Юрий Краснощёков
Король и паж 58

Сергей Криницын
«Видишь свою судьбу...» 60
«Догорит свеча...» 60
«Многие вещи, случившись, произошли...» 61
«Лишь после этого я обратил внимание...» 61
Людмила Кубалова
«Жизнь, как сон. Смерть во сне...» 62
«Над землею мело...» 62
Аэлита Кулешова
Мистика 64
Борис Кутенков
«Библейская ферзь открывалась для слов...» 66
Александра Ластоверова
Да родится мир 68
Татьяна Михайловская
Безответное 70
Отворот на болезнь 70
«Оба неба светлы...» 71
«Небо из стекла...» 71
«Лица умерших...» 71
Марианна Некрасова
«Смерть сидела в вагоне напротив...» 72
«Семеро мерят руками зелеными...» 72
«День любви перед закатом...» 73
«Заклинание змей на солнце...» 73
Людмила Осокина
Черная кошка 74
I. Черная кошка 74
II. Я видела, как она ступала по ночному небу 74
III. Кошка, бродящая в ночи 75
Мария Попова
«При чем здесь ложь, когда мы все невинны...» 76
«Ван Гог и Ренуар создали этот мир...» 76
«Я не знаю, смогу ли найти ту звезду...» 76
«На задворках поэзии...» 77
Ирина Репина
«В четвертую стражу ночи...» 78
Вавилонские боги 78

Vita brevis, sed musica aeterna 79
Елена Семёнова
«Поздно. Опять не протер зеркала...» 80
«Тыльная сторона, Великое Под...» 80
«Все мы бываем в странных местах...» 81
Ирина Семёнова
«ты где-то там стоишь за дверью...» 82
«В маминой квартире так спокойно...» 82
«В моем сердце ноет мелодия...» 82
Марина Соловьева
Ужин с Фаустом 84
Морской царь 84
«Когда выходит девушка из моря...» 85
Эдуард Струков
Демон пустых деревень 86
Юрий Тубольцев
Зеркалиада 88
Анна Филатова
Хранители огней 90
Helen
Уход не равнозначен расставанью 92
Иван Чудасов
Памятник 94
«Что-то мне постель моя узка...» 94
Ирина Чуднова
«Что он знает...» 96
Паньгу 97
Сергей Ясь
«Когда я маленькой была...» 98
Т. Виноградова
Покрывало Новой Исиды, или Послесловие к (опти)мистической антологии 100
Об авторах 114

18+

Литературно-художественное издание

Московский союз литераторов
АНТОЛОГИЯ МИСТИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Редактор
Татьяна Смирнова

Оформление
Татьяна Виноградова

Верстка, макет
Людмила Влодова, Татьяна Виноградова

Московский союз литераторов, 125009, Москва,
ул. Б. Дмитровка, 5/6, стр. 8
+7 (495) 692-06-03
dmitrovka5@yandex.ru

подписано в печать 14.08.2023
Формат 84x108 1/32
Объем 7,2 усл. печ. л.
гарнитура Georgia
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5
https://www.t8print.com, info@T8print.ru, +7 (499) 221 89 80

ISBN 978-5-6048726-7-3